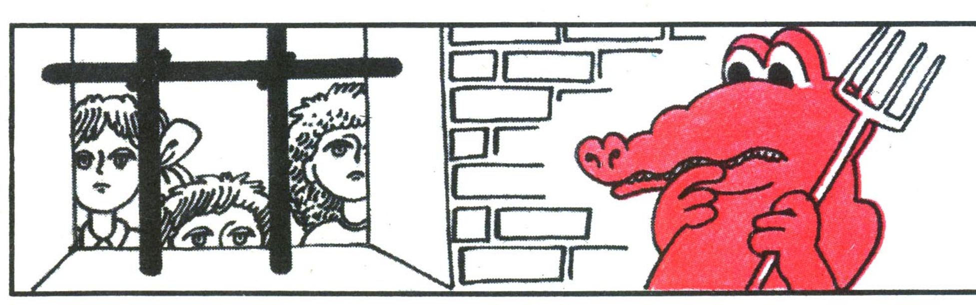


№ 26 СЕНТЯБРЬ 1989

Талон
на
запретный
плод

Л. НАСЫРОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).



ДЕТИ ЗА РЕШЕТКОЙ — КТО ОНИ?

Стр. 8.

КРОКОДИЛ

№ 26 (2648)
сентябрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 10.08.89.
Подписано к печати 17.08.89.
А 00341.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 599 596).
Зак. № 1079.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1852

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

ПЛЮС НА МИНУС=?

Приятно получать обстоятельные ответы на трех страницах от организаций, которые Крокодил покритиковал. Это не какая-нибудь отписка на два абзаца. В этом смысле повезло фельетону В. Подковы «Плюс-минус корова» (№ 11).

«В статье,— считает генеральный директор ПО мясной промышленности Крымской области В. И. Павленко,— в основном объективно отражены недостатки в работе Феодосийского мясокомбината... Данная статья рассмотрена на совете директоров объединения с участием представителя Крымского агрокомитета... Издан по результатам проверки фактов, изложенных в статье, приказ № 69 от 17. 04. 89 г., которым определены меры по устранению отмеченных в ней недостатков, а также меры взыскания. В частности, директору мясокомбината объявлен строгий выговор, главному инженеру, главному бухгалтеру и начальнику ОПВК объявлено по выговору. Устранение имеющихся недостатков взято под контроль».

Итак, согласившись и признав минусы, товарищ Павленко переходит к плюсам, постепенно и настойчиво перечеркивая названные в фельетоне минусы. Например, хищения мяса. По акту главного специалиста Госагропрома УССР А. Харитоненко, в 1987 году «зафиксировано 122 случая, вес похищенного мяса составляет 8699 кг», а по данным генерального директора — случаев больше (227), а мяса украдено меньше — всего-то 1158 кг. В 1988 году, как утверждалось в фельетоне, воровали еще круче — 15 387 кг, а директор согласен только на 851. А это, разумеется, пустяки.

И недостачи овец, утверждает тов. Павленко, не было. Просто произошло «смешивание партий овец от трех хозяйств».

«Критика на проведение собрания в подвале также неправомерна, так как собрание проводилось... в убежище по гражданской обороне».

Короче говоря, признанные было минусы покрываются плюсами, а к концу официального ответа явственно проступают даже достижения: «В целом за последние годы есть положительные сдвиги в работе предприятия...»

Остается только завидовать радостному миру тов. Павленко, где вопреки законам классической математики минус, помноженный на плюс, дает Большой плюс. И подивиться странной нелогичности приказа № 69, влепившего по выговору всем руководителям мясокомбината, обеспечившим «положительные сдвиги в работе предприятия».

О результатах же работы объединения мясной промышленности, возглавляемого В. Павленко, можно судить по прилавкам магазинов. Мяса в Крыму по-прежнему нет. То ли его крадут, то ли не производят — дело темное.

●

МАЛУЮ МЕХАНИЗАЦИЮ — КРЕСТЬЯНАМ

Чем обрабатывать приусадебные участки? Что могут предложить сельхозмашиностроители арендатору? Оказывается, практически почти ничего. Об этом шел разговор в заметке «Частное лицо», помещенной под рубрикой «Злободневный комментарий» (№ 16).

Заместитель начальника Главного производственного управления Минавтосельхозмаша С. Довгань сообщает: «Минавтосельхозмаш СССР рассмотрел статью «Частное лицо»... Разработка и производство широкого спектра средств малой механизации в животноводстве и кормопроизводстве, применяемых в личных подсобных хозяйствах, арендном и семейном подрядах, в министерстве определены приоритетным направлением.

В 1988—1989 годах получил развитие ряд приказов, разработана межотраслевая программа работ на 1989—1995 годы по выпуску малогабаритной техники, а также машин и оборудования для арендаторов, кооперативов и арендных коллективов, реализация которых позволит в XIII пятилетке полностью удовлетворить спрос сельского населения в этой технике.

К выпуску мотоблоков и малогабаритных тракторов также привлекаются предприятия машиностроительного и оборонного комплексов, что позволит развить конкурентоспособность этой техники и ускорить насыщение ею аграрного сектора».

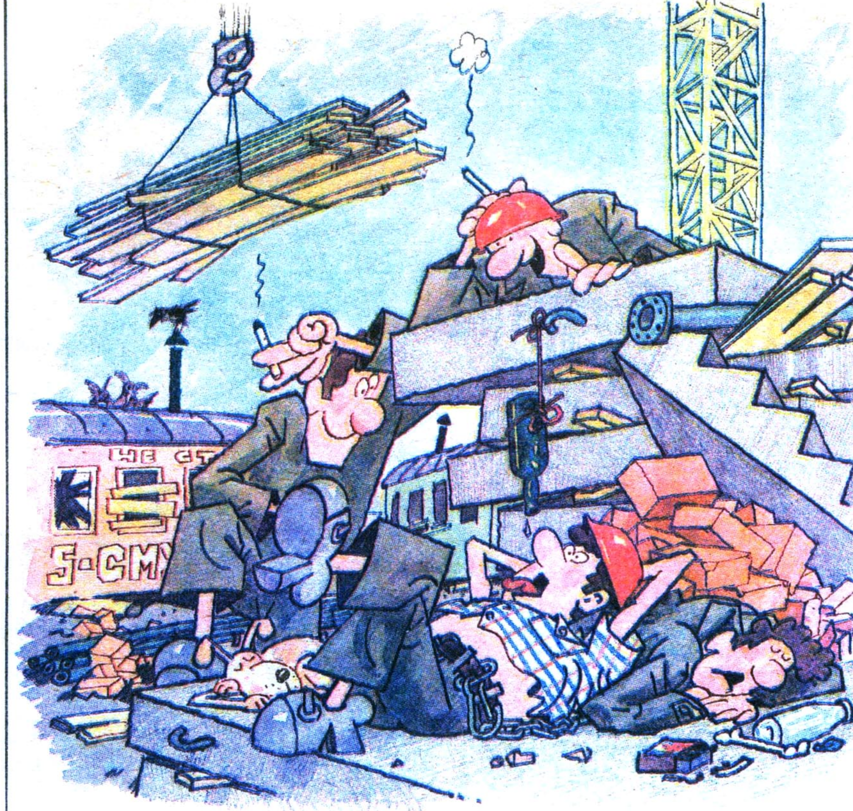
Что ж, обещания прекрасны. Теперь осталось только выполнить их — ведь даже с помощью самых великолепных приказов ни пахать, ни убирать урожай нельзя.

А пока что Минавтосельхозмаш в огромном долгу перед крестьянами.

ВЫПЛЫВЕТ ЛИ КУБАНЬ?

Без штормов и ураганов, тихо, но неотвратимо поднялась на поверхность из недр земли водяная стихия во многих районах Краснодарского края. Вода залила поля, луга, подвалы домов. Об этом мы рассказали нашим читателям в фельетоне «Тихое привидение, или Почему тонет Кубань?» (№ 13).

На этот тревожный сигнал редакции ответил заместитель председателя Краснодарского крайисполкома Н. Кряжевских. Он перечислил целый ряд причин, связанных с неграмотным землепользованием, в силу которых грунтовые воды подтопили кубанскую территорию. Однако есть надежда, что воду в ближайшее время удастся хотя бы частично обуздать. Потому что ситуация рассмотрена в Краснодарском крайисполкоме на совещании с участием инженеров, ученых, партийных и хозяйственных руководителей всех районов края. Разработаны мероприятия для ликвидации последствий подтопления, а также причин, вызвавших его. Для решения проблемы в целом Краснодарский крайком КПСС и крайисполком обратились в центральные органы с просьбой о выделении необходимых средств.



— А давайте этот простой провозгласим забастовкой. Тогда нам, глядишь, зарплату повысят.

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

Я любил в жаркий полдень по лесу гулять.
Рвал цветы, мял траву, поступал так,
как многие...
Стало нечего рвать, стало нечего мять,
И тогда я увлекся, как все, экологией.

В. Кошманов, доцент кафедры физики Красноярского политехнического института, г. Красноярск.

БАСНЯ С ВОПРОСОМ

Зверей, кто в мнении с ним были не едины,
Изгнал правитель-лев, рассвирепев,
И оказался в окруженье подхалимов.
В том подхалимы виноваты или лев?

Б. Коган, электрослесарь, г. Москва.

Не может не украсть — такая завязь.
Ни гласность не страшит его, ни суд.
Но тайно несуна съедает зависть:
Он носит сам, а ведь иным — несут!

Н. Титов, зав. отделом районной газеты, г. Ефремов Тульской области.

КООПЕРАТОР И ПЕНСИОНЕР

Бывает, что под маскою «новатор»
Жиреет спекулянт-кооператор.
А все отдавший Родине в беде
Живет и умирает в нищете.

Л. Малиновцева, пенсионер, г. Новгород.

Мужчина — рыцарь, слава богу.
Его учтивость не бравада:
Уступит женщине дорогу...
Когда ее построить надо.

К. Фердман, г. Свердловск.

ВОПРОС

Чистый воздух,
Блага лона —
Тоже будут
По талонам?

С. Бобровников, инженер, г. Донецк.

Дима хвастал перед другом:
— А меня не ставят в угол!
Моя мамочка весь год
Дикарям углы сдает!

Г. Мороз, бухгалтер, г. Евпатория.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ХАПУГИ

Есть «навар» на базе овощной.
А живешь — картошкою на складе:
Если не съедят тебя зимой,
То наверняка весной посадят.

Н. Чернышев, ветеран войны и труда, г. Новгород.

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Если на дороге гололед,
Нет песка, прохожим скользко очень —
Значит, коммунальников народ
До сих пор еще не пропесочил.

В. Ершов, слесарь, г. Горький.

ВОЗМУЖАНИЕ

Ветра́ перемен мне сознанье дурманят.
Я прежде показывал кукиш в кармане.
Сегодня, услышав обидную фразу,
Две фиги обидчику выставлю сразу!

В. Шестаков, г. Кременчуг.

Я в Неве сижу с утра
(тело все в заразе),
Потому что доктора
Прописали грязи.

Г. Сафаралиев, г. Ленинград.

Расскажу всю правду-матку:
Акушерке дали взятку,
Чтоб смогла родить я дочку
Сразу... в импортной сорочке!

Б. Кононенко, г. Новосибирск.

Сократили в министерстве штаты,
Поредела иждивенцев рать.
На работе стало туговато:
Даже не с кем в шахматы сыграть!

Б. Аксанич, г. Ташкент.

Инженеров наших душ
Надо б под холодный душ,
Чтоб поменьше грызлись в драке,
Словно злющие собаки!

Е. Платонов, учитель, г. Саратов.

Лесные травы робко расцвели,
Грибы пока что лезут из земли...
А мы из кожи лезем, чтобы внуки
Все это видеть лишь в кино могли!

Н. Рябов, плавильщик, г. Братск.

Такая вот недобрая традиция образовалась: как услышишь про гербициды, пестициды, фунгициды и прочие ядохимикаты, рука сама тянется к язвительному перу. То есть к яростному проклинанию всех этих химикатов. Поскольку въелось-таки жестко: пестицид — яд! И не столько для вредителей растений, сколько для нас, грешных. Крокодил тоже уже на этом деле поломал немало зубов и вил, зазубрив аксиому — вон их, эти ядохимикаты, из сельской практики! Ан выясняется, не такая уж и аксиома. Возможны, оказывается, варианты...

Гр. КРОШИН, специальный корреспондент Крокодила

НЕ БРАННОЕ СЛОВО

ИНФОРМАЦИЯ К ПЕРВОМУ ЗНАКОМСТВУ



Слово это для нас почти бранное. Если кто-то где-то захочет обозначить вслух степень отравления природы и здоровья, ему достаточно выговорить это неприличие: «ПЕСТИЦИДЫ». И больше ничего пояснять не надо. Народ наш понимает с полуслова.

Нет, конечно, нельзя сказать, что массы уже выходят на улицы городов и сел с лозунгами «Долой пестициды!». В принципе же, если спуститься с заоблачных далей на грешную землю, придется-таки трезво признать, что при нынешних человеческих потребностях в питании НИГДЕ В МИРЕ братья-аграрии без химии не обходятся. Такова жизнь.

Нигде, значит, не обходятся, а у нас все пытаются... Вот совсем уже недавно прочел в газете: в Астраханской области 50 рисовых хозяйств замахнулись на выращивание беспестицидного риса! Ура, конечно. Правда, технология еще не выверена, эффект неясен. Правда, сами инициаторы признают, что риса они получат меньше, чем раньше, с применением ядохимикатов. Но это, убеждают они сами себя, а заодно и нас с вами, как раз тот самый случай, когда «лучше меньше, да лучше»... Что ж, как говорится, приятного им аппетита.

Так неужели «лучше меньше» — из-за бранного слова?

Но, спрашивается, почему оно такое бранное? Что, неужели слово виновато? Или, может, что-то другое?

Да, читатель, именно другое. Сами мы и виноваты. Оказывается, слово-то мы выучили наизусть, а вот применять на практике пестицид как следует не научились. Сыплем сверху на всю страну куда ни попадя, льем, можно сказать, как из ведра. Да еще с вертолета без разбору. Куда конкретно попадет, не ведаем подчас. Мол, потом разберемся...

И вот разбираемся без видимого успеха много-много лет. Отравили все вокруг и единственно куда этим ядом не попали, так это на растения. Итог таков: продолжают они страдать от вредителей, а мы с вами, читатель,— от пестицидов...

А раз нет ожидаемого эффекта, мы их еще нальем, что нам жалко, что ли? Фонды выделены, валюта отпущена, надо, стало быть, все сполна освоить и истратить, а то на следующий год не дадут.

И осваивают, и тратят: на закупку пестицидов за рубежом мы выкладываем ежегодно сотни миллионов инвалютных рублей. А какой же результат? По данным объединения «Союзсельхозхимия», лишь десять процентов пестицидов работают против насекомых-вредителей и сорняков, а остальные 90 процентов уходят впустую, загрязняя окружающую среду. А это, оказывается, ни много ни мало — 200 тысяч тонн каждый год!.. Почему ж впустую, спросите? А очень просто: техника распыления ядохимикатов у наших сельчан вконец устаревшая и изношенная, а технология подгоняется под эту имеющуюся в наличии технику. Да и ведется химическая защита растений часто неграмотно... Вот и все секреты.

И что же, обречены мы, значит, на вечную бранность слова «пестициды»? Нет, стало быть, никакого просвета в проблеме?

Представьте, есть. И слово это хотя и звучит по-немецки так же, как и по-русски, но, однако, абсолютно прилично и отрицательных эмоций уже не вызывает. А по-немецки оно лучше звучит потому, что уверенно оперируют им спецы-химики широко известной в мире западногерманской фирмы «Байер», представительство которой вот уж не один год есть и в Москве. Короткое интервью спецкора «Крокодила» с главой представительства Ульрихом Фольмером:

— Каковы задачи фирмы в нашей стране?

— Понимаете, каждый год в мире примерно треть возможного урожая уничтожается еще на полях разными вредителями и возбудителями болезней. А порой доходит и до половины урожая! Вот наша фирма и задалась вопросом: а можно ли сделать так, чтобы урожай не пропадал по крайней мере в таком количестве? Мы разработали множество средств защиты растений от этих вредителей: пестициды, фунгициды и так далее,— создали несколько вариантов их применения (в зависимости от конкретных условий климата и почвы), а также рекомендуем технику, которой все это можно делать. Вот пару лет назад предложили свои услуги вашим сельхозникам. Опробовали нашу технологию, технику и сами препараты сначала в двух липецких хозяйствах и через два года уже получили хорошие результаты: урожай озимой пшеницы вырос почти на 50 процентов! Тогда решили расширить наши работы: сегодня уже более 20 ваших сельхозпредприятий применяют технологию фирмы «Байер» в разных регионах СССР — в Липецкой, Курской, Новосибирской, Ленинградской, Ивано-Франковской, Минской и других областях.

— Вам это выгодно?

— Да, сотрудничество взаимовыгодное. Иначе какой же в нем смысл? Но, кроме того, фирма «Байер», как отнюдь не всякая фирма в мире, придерживается того принципа, что партнер ее продукцией должен обязательно быть доволен, понимаете? Поэтому мы не просто продаем наши препараты, а стараемся, чтобы они у вас были эффективны.

— И все идет гладко здесь?

— Не всегда, к сожалению. Иногда, как у вас говорят, «со скрипом»...

— Почему? Кто-то или что-то мешает?

— Главная проблема — отсутствие у хозяйств хороших препаратов в достаточном количестве. Второе — сильное предубеждение против пестицидов в вашей стране. Вы же говорите, что пестицид — слово здесь крайне непопулярное... Видимо, как раз из-за того, что его «доброе имя» у вас в стране перечеркнуто негодной практикой применения, отсутствием в этом деле должной культуры, несоблюдением любой разумной технологии. Отсюда и вред природе и людям.

— А вы считаете, это поправимо? Есть в наших условиях шанс применять химические препараты, не губя природу?

— Безусловно! Об этом говорит наш опыт в тех хозяйствах, где мы сейчас работаем вместе с вашими специалистами. Правда, о наших успехах еще мало знают в Союзе... А некоторые земледельцы и их руководители упорно не хотят иметь с нами дела.

— Почему, как вы думаете?

— Можно я отвечу? — вступает в беседу начальник техотдела фирмы, кандидат сельхознаук Рэнна Евсеева.— Некоторые горе-хозяйственники привыкли экономить не на том, на чем надо бы. Они закупают на Западе дешевый препарат, но зато в огромном количестве и льют его потом на растения без разбору. Но поскольку, во-первых, такой дешевый препарат не слишком эффективен (помните поговорку: дешево — гнило...), а во-вторых, приемы его внесения давно устарели. Научно доказано, что надо заниматься не распылением абы как, а **протравливанием** семян, точным внесением ядохимикатов. Это самый экологически чистый прием. Только вести его надо грамотно, квалифицированно. Этому фирма и пытается научить советских сельчан. Фирма «Байер» предлагает не столько сами средства защиты растений, сколько систему, в которой все в комплексе — почвообработка, препараты, техника.

— И при этом еще и экология?

— Экологии фирмой придается особое значение,— говорит Ульрих Фольмер.— Только одна цифра: исследовательские работы фирмы «Байер», касающиеся области «безопасность для применителя, потребителя и окружающей среды», составляют ныне почти треть всех исследовательских расходов фирмы. **Мы работаем только с экологически чистыми технологиями.** Приезжайте — убедитесь сами.

Спасибо. А пока... Не поколебала ли эта скупая информация вас, читатель, в традиционном неприятии пестицидов? И может, слово это, если вдуматься, не такое уж и бранное? И не только слово, но и дело? Есть над чем поразмышлять, не правда ли?

Рэм ПЕТРОВ



или

ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ТАЙНАМИ

У нашего общества сложные отношения с собственной новейшей историей: она была (поэтапно) тенденциозной, полузапретной, липовой и однобокой. В последние годы начались внушающие оптимизм процессы нелицеприятных переосмыслений, выноса кривых зеркал, выведения «белых пятен» и возвращения забытых имен. Публикуемый в этом номере фельетон о том, что мешает, препятствует, воздвигает препоны и даже ставит палки в колеса этим долгожданным процессам.

Июньским днем 1989 года в адрес Первого Съезда народных депутатов СССР пришло письмо, подписанное 324 сотрудниками центральных госархивов — Октябрьской революции, Народного хозяйства, Литературы и искусства, Древних актов, Звукозаписи и Военно-исторического. Начиналось письмо так:

«Уважаемые товарищи депутаты!

Пройдет совсем немного времени, и документы Вашего исторического съезда станут достоянием прошлого, поступят... на хранение в государственные архивохранилища. Но мы, архивисты, не ручаемся, что сможем в обозримом будущем принять и сохранить это общенародное достояние... В настоящее время архивохранилища практически заполнены и прием документов прекращается... В то время, когда не созданы необходимые условия для сохранения бесценных реликвий, документальной памяти народа, в архивном городке на ул. Б. Пироговская, 17, начато новое строительство. Однако не архива ..., а двухэтажного административно-хозяйственного здания для нужд Главархива СССР».

Итак, проблема ясна — некуда складывать исторические документы. Мы еще вернемся к этому письму, а пока зададимся простым вопросом: а пустят ли историков в архивы, даже если они будут со тщанием сохранены? Ибо некоторые мрачные особенности истории отечественного архивного дела внушают серьезные опасения — равно как и особенности дня нынешнего.

«БУМАЖНАЯ МАССА»?

Считается, что государственная забота об архивах в нашей стране началась 1 июня 1918 года Декретом Совнаркома об архивном деле. Историками Декрет был воспринят с энтузиазмом, а до того момента, жаловались ученые на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, их работа «протекала при наличии враждебного отношения новой революционной власти», так как крайняя нужда в бумаге «заставила Главбум в Москве и Губбум в провинции вместе с Центрутилем и Губутилем смотреть на архивную массу, как на бумажную массу, подлежащую переработке на бумажных фабриках».

Архивы, конечно, не просто «бумажная масса». Они могут приносить весьма ощутимую практическую пользу — и, к сожалению, далеко не всегда научную. Эту истину полностью осознали в конце 30-х годов бойцы невидимого, но очень, как говорится, компетентного фронта.

«В 1937 году архив НКПС начал работу по выявлению материалов о заграничных командировках. На основе архивных материалов, отложившихся в 1922—1935 гг., архивом составлены карточки-справки. В этих карточках есть указания о должности командированного за границу, о времени и месте командировки, о характере материалов, которыми располагает архив по этому вопросу. **Уже сейчас эта работа полностью оправдала себя** (выделено мною.— **Р. П.**)» — так, отчитываясь о ходе ревизии, один из «знатоков» архивного дела прозрачно намекает в начале 1938 года на тысячи «ранее завербованных в заграничных стажировках, а ныне разоблаченных спецов-шпионов». Неудивительно, что в конце 30-х архивное дело стало «одним из многих участков нашего социалистического строительства, вокруг которого развертывается ожесточенная классовая борьба» (цитатка из тогдашней научно-исторической периодики). Тогда же окончательно формируется империя секретных хранилищ. Вот отчет комиссии по проверке одного областного архива: «...среди архивных материалов обнаружены различные материалы, брошюры, фотографии врагов народа. Очевидно, «кто-то» еще усиленно старается популяризовать здесь гнусных гадов... почему-то здесь никому в голову не приходило, что все это должно быть давно изъято и передано куда следует».

Во избежание такого рода «злоупотреблений» в 1938—1939 годах «куда следует», а именно в ведение НКВД, передаются все госархивы. Образованный Декретом 1918 года и руководимый «врагами народа» Центрархив упразднен, и отныне «перестройке работы архивных органов большое внимание уделяет народный комиссар Л. П. Берия»; в плане научном это означало запрет на систематизацию и изучение исторических документов, что вполне соответствовало стремлению Сталина заменить историю циничным мифотворчеством.

Одна из редко вспоминаемых заслуг «оттепельного» времени — освобождение архивов из-под сомнительной опеки и передача их в 1961 году в подчинение Совмину СССР. Начинаются работы по рассекречиванию множества фондов. Но... в конце 60-х — начале 70-х происходит повторное засекречивание раскрытых десять лет назад документов, вводится новый гриф «ограниченное пользование» — под стандартным предлогом, что «невозможно проследить пути распространения информации» (?!). По мнению многих историков, такое «замораживание» было связано с развитием «диссидентского» движения: некоторые вольнодумцы позволяли себе слишком многое, разоблачая на основе архивных материалов сталинизм; классический пример тому — Солженицын и его «Архипелаг ГУЛАГ». Показательна участь архивов ВСНХ — вот уже два десятка лет многие документы Высшего Совета народного хозяйства периодически поражаются приступами засекречивания... А на Торжественной научной сессии в Главархиве СССР в 1968 году начальник литовского Главархива Е. А. Розаускас с гордостью рассказывал о том, как документы архивов Литвы помогали в свое время разоблачению «буржуазных националистов» (т. е. «врагов народа» в национально-республиканском исполнении); время покатилось вспять... Забюрократизированную, не в меру «закрытую» архивную систему, возникшую в конце 30-х, не удалось окончательно разрушить и поныне, несмотря на реформу 1961 г. Тому свидетельством

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Что представляют собой сегодняшние архивы?

Это 340 миллионов единиц хранения Государственного архивного фонда СССР. Не менее одной пятой документов, по приблизительным оценкам, засекречены, и еще около 20 миллионов — на режиме «ограниченного пользования»; последнее означает, что на такие «мумии», даже если до них удается добраться, нельзя потом ссылаться, их нельзя цитировать и даже делать из них выписки. Система госархивов являет собою гигантскую пирамиду, вершина которой — Главное архивное управление при Совмине СССР и несколько центральных архивов, а основание — сотни архивов местного значения. Работа этой системы регламентируется Положением еще от 1980 года и Правилами выпуска 1984 года. Правила, как водится, удручающе подробны: 623 параграфа определяют мельчайшие процедуры вплоть до указания (п. 2. 3. 9), что «для внутриархивных перемещений могут использоваться любые транспортные средства — автомашины, мотороллеры и тележки». И нет в Правилах лишь пункта, который бы внятно определял права пользователей. Да, в последнее время стало удовлетворяться больше прошений историков. Но сам механизм такого «просительства» предусматривает, увы, возможность «закрутить» при необходимости несколько либо разом тысячи «гаек».

Однако, помимо госархивов, отличающихся относительной «либеральностью» по части допуска к фондам, миллионы документов хранятся в некоторых могущественных ведомствах — КГБ, МВД, Министерстве обороны и десятке других. Архивы этих ведомств лишь формально, де-юре, подчиняются Главархиву. На деле же им предоставлено так называемое «право самостоятельного хранения» документов. Формулировка звучит довольно невинно; однако до сегодняшнего дня усилия общества по раскрытию преступлений сталинизма носят вынужденно полудилетантский характер, ибо основаны на воспоминаниях и на тех личных документах, что чудом не исчезли в лавине повальных обысков. Архивы «компетентных» органов закрыты до сих пор; без них же нельзя узнать ни истинных масштабов репрессий, ни, что, вероятно, даже важнее, особенностей «тонкого» устройства репрессивного механизма... В эпоху гласности стоило бы посерьезнее потревожить, к примеру, архивы Чрезвычайной комиссии времен военного коммунизма, и тогда из-под официально одобренного клейма контрреволюционного отребья могут взглянуть на нас трагедии всероссийских «расстрелов на месте как меры внесудебной репрессии», трагедии миллионов людей. Нам нужны беспристрастные документы, чтобы понять наконец, каким же образом «карающий меч революции» выродился в «острый скальпель следователя НКВД» (термин из обвинительных документов конца 30-х).

Конечно же, репрессии не единственное «белое пятно». Становление и свертывание нэпа, коллективизация, Великая Отечественная война, война с «белофиннами» — все эти исторические драмы еще ждут полноценного изучения, основанного на подлинных документах, а не на идеологической конъюнктуре.

Наконец, особая статья — система партийных архивов. Это еще одна «пирамида», никак не зависящая от государственных органов, с «вершиной» в виде Центрального партархива при ИМЛ. В библиотеках вы не найдете Правил работы партийных архивов в СССР. Допуск к документам осуществляется, как говорится, в каждом конкретном случае руководством каждого конкретного, архива, причем шанс попасть в хранилища, особенно центральные, имеют только члены КПСС. Выписки можно делать только в спецтетрадку — прошнурованную, с нумерованными страницами. По окончании работы цензор вырежет своими острыми ножницами секретные, на его взгляд, сведения. Не настала ли пора вспомнить, что еще в 1923 году на конференции архивных деятелей была принята резолюция, гласящая, что «Истпарт (прародитель нынешних партархивов.— **Р. П.**) своего архива не организует. Архивные материалы хранятся Главархивом и его органами»?

БЫТЬ ЛИ АРХИВАМ «В ЗАКОНЕ»?

Продолжу цитирование письма, с которого начался разговор.

«Сейчас крайне необходим «закон об архивах»...

Осенью прошлого года я встречался с начальником Главархива Ф. М. Вагановым. Нужен ли Закон? Да, конечно! Федор Михайлович убеждал меня, что он двумя руками «за» — и за его скорейшее принятие, и за его широкое публичное обсуждение. Что касается принятия — правда; количество кулуарно разработанных Главархивом вариантов близится уже к десятку. Что же касается широкого обсуждения... Оно никак не может состояться, хотя историки и юристы ратуют за это уже без малого два года и уже разработали альтернативный «главархивному» проект Закона об архивном деле в СССР. Послушаем одного из авторов — зав. кафедрой теории и методики архивоведения Московского историко-архивного института Б. С. Илизарова:

«Сегодня около 50 процентов всех архивных документов в СССР практически недоступны для широкого изучения. Наш проект предусматривает сведение ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ АРХИВОВ страны в единый Государственный фонд, как, впрочем, и было **задумано в Декрете 1918 года. Координировать деятельность архивов должна специальная Главная архивная комиссия при Верховном Совете СССР. Предполагается демократизировать систему доступа к документам, ввести временной ценз, 30 лет;** по истечении этого срока любой документ должен быть общедоступен, а за необоснованное сокрытие документов предусмотрена ответственность. В состав Комиссии должны войти известные архивисты, историки и юристы...»

О ТАЙНАХ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ

Конечно, каждое государство имеет право на тайну — военную, дипломатическую... Демократичный Закон об архивном деле помог бы покончить с «историческими тайнами» — отвратительным наследием сталинизма. Да, перестройка раскрыла некоторые спецхраны и спецфонды. Работают — правда, далеко не так быстро и эффективно, как хотелось бы,— комиссии по рассекречиванию... Но меня очень смущает такое публичное высказывание заместителя начальника Главархива СССР А. В. Елпатьевского: «Снимая необходимые ограничения к документам (коли ограничения необходимы, то как же их снимать? — **Р. П.**), архивистам следует руководствоваться принципами партийности, советского патриотизма, пролетарского интернационализма...» — словом, чем угодно, но только не принципом непредвзятости. Такое высказывание поневоле вызывает неприятные ассоциации с требованиями все тех же 30-х годов «призвать архивистов и историков к повышенной политической бдительности в области работы по публикации документов...».

Попытки без прикрас взглянуть на Историю до сих пор вызывают явное или скрытое противодействие тех, кто считает, подобно царскому цензору Назаревскому, что «такого рода тенденции и раздражающие картины способствуют извращению понятий и в читающей публике». Сказано сие в 1886 году, но звучит злободневно и ныне...

МАГАЗИН

— Скажите, Борис Николаевич, что дают?

И. ЛОСОСИНОВ. Р. САМОЙЛОВ.



В. ЛУГОВКИН.



О. ТЕСЛЕР, С. РЕПЬЕВ (тема).

ВОЗМОЖНО, ТОВАРИЩ ЗАБЛУЖДАЕТСЯ...



В ПОРЯДКЕ БРЕДА

Если я параноик, то один из самых несчастных. У нормального параноика галлюцинации малость сопряжены с удовольствиями. Мания величия, бред сверхценных идей, комплекс преследования — все это хоть как-то щекочет самолюбие.

Мои видения тоже ужасны. Комплекс не менее навязчив. Страхи так же леденят душу. Но сам я при этом вовсе не восседаю в золоченом кресле посреди собственного бреда. Мне не мнится, будто меня преследуют. Врагам до меня нет дела. Может, кто и трахнет кирпичом по голове, но не по заданию, а от удовольствия. Потому что и в своих галлюцинациях я всегда рядовой гражданин. Или, точнее, рядовой потребитель.

Конкретное содержание моего болезненного воображения таково: повсюду, от Бреста до Владивостока, от Нарьян-Мара до Кушки есть в изобилии колбаса по 2 р. 20 коп. (По 2 р. 10 коп., по 2 р. 30 коп.— варианты зависят от ценового пояса.) Сахар? Просто смешно! Никаких талонов, каждому по два кило без предъявления документа. А хошь еще два кило — милости просим в ту же очередь.

Хотя что это я? В том-то и проклятая особенность моего кошмара, дорогие сограждане, что никаких очередей в нем нет. Вообще. Нигде. Ни за чем. Ну разве что на отдельную квартиру. Да и то: два-три года — разве это очередь? Кухня шесть квадратов, ванна желтеет не сразу, трещины, которые от строителей остались, алебастром замазал, замок сменил — ну, не благодать?

На «Жигули» ВАЗ-2109 накопил? Иди купи. Цвета всего два, но без записи. «Волга» ГАЗ-2410 нравится? 16 тысяч, ни копейки сверху. Сегодня заплатил, сегодня получил. Нравится? Ну же, ну! Не робей, Фаддей!

«Рубин» Ц-412 (730 руб.), ресурс повышен. Кофемолка (18 руб.), а за углом кофе (20 руб.). Мясо, а за углом электромясорубка. Тяжелая, надежная, нашенская (40 руб.). И мясо нашенское, по 2 р. за 1 кг (плюс-минус гривенник в зависимости от пояса). Процентаж мослов в мясе ни в коем случае не превышает госстандарта, установленного Госстандартом. За обман строжайше взыщут, но взыскивать не с кого. Уже давно никто никого не обманывает, так как все знают: чтобы лучше жить, надо лучше работать. А поскольку все работают все лучше, то жить становится все веселее. Уже сегодня средняя зарплата составляет 220 руб. на работающего (не считая общественных фондов потребления), а завтра... То есть в следующем году... Или в конце пятилетки... Но обязательно, слышите, обязательно будет 230. Или даже 232. В среднем. На работающего. На одного.

Живет страна, морща лоб при слове «дефицит». О таких говорят: счастлива без памяти!

Вот такой примерно у меня бред. С ценами, прейскурантами и гуманными первыми секретарями.

Психиатры, к которым я обращался, сначала возбуждаются. Мол, детская обувь в вашем бреде есть? Я говорю: конечно, есть. Психиатры бледнеют: а пиво? Я говорю: какое? Они: а хоть какое! Я говорю: «будвайзера» ни разу не завозили, врать не буду. Но «Жигулевское» свежее. Они: наливай! Я говорю: да вы что, товарищи? Это же бред!

Тут они почему-то начинают злиться. А один так и резанул: подлец ты, а не параноик. Весь народ за это борется. А ему страх душу леденит.

В общем, отфутболили.

С экономистами советовался. Поймите, говорят, у вас просто бред. Колбасы по 2—20 никогда не будет вдоволь. Колбаса по 2—20 сама по себе бред. Только не психический, а экономический. Сначала надо провести реформу ценообразования, соорудить рыночный механизм, и только тогда ваш бред станет былью.

Нет, никто меня не понимает. Одни хотят порядка, другие снижения цен, третьи умрут, но добьются ликвидации Четвертого главного управления при Минздраве СССР. (При этом Четвертое управление в РСФСР (УССР, БССР), разумеется, сохранится. Как сохранились спецпайки, бурно упраздненные и тихо перекочевавшие из «закрытых» магазинов в «закрытые» учрежденческие буфеты.) Но никого не пугает жуть казарменного изобилия, при котором каждый получает не то, что заработал, а все больше и больше. Да и мне самому осознать это было нелегко. Накопил и ГАЗ-2410 купил — ну отчего бы холодным потом орошаться?

Помогла шахтерская забастовка. Дружно поднявшиеся, смело парализовавшие чувствительную для нашей прохладной страны отрасль горняки добились своего. И заодно снова показали публике, что мускулистые руки себя в обиду не дадут.

Отлично! Вдохновляюще! Теперь, когда разрыв между терапевтом и горняком возрос еще больше, медику на рынке достанется картошка помельче, но умом он просветлел. Объединившись с пульманологами и отоларингологами, терапевты в годину гриппозной эпидемии могут поставить на колени целые республики. Горнякам Кузбасса подбросили ради успокоения 2000 «Жигулей» из чужих фондов, терапевты же запросто выдворят министров из насиженных «Чаек».

В общем, перспективы богатые. Но, увы, не бескрайние. Совершенно неясно, как бастовать изобретателю. Как постоять за себя поэту. Или — чего далеко ходить? — возьмите тот же «Крокодил». Платят гроши, жалкую долю процента от доходов, а посмей не выдать сатиру на-гора... Не то что «Жигули» — мусоровоза не пришлют. Сам побредешь на свалку.

Нет вкусного «будвайзера» в моем бреду, и стремительные «тойоты» не проносятся там. Плещет «Жигулевское», разучившееся давать даже пену. И «Волга» ГАЗ-2410 сияет своими сомнительными прелестями. Хотя какие уж тут сомнения? Пожалуй, мы да еще две-три передовые страны приемлем это чудо технического убожества, за которое отечественные жулики готовы идти хоть в тюрьму, хоть на плаху. В большинство же стран нашу «Волгу» не пропустят ни за какие деньги. Тяжела, прожорлива, грязна. А пропустили бы — так ни за какие деньги не продашь.

Если изобилие той дряни, за которой с округленными азартом глазами носится родной потребитель, составляло бы цель перестройки, то я предпочел бы переждать еще два-три десятилетия — до следующего перелома.

Взлеты и падения социалистического соревнования со всей наглядностью показали, что благо нации не измеряется бочками пролитого пота. Не так-то уж крепко зависит нация и от минералов, натыканных природою в занимаемую ею территорию. В рядовом японском компьютере, за который у нас в Москве отстегивают по 25—30 тысяч рублей, всего полкило металла, полкило пластмассы, кило речного песка и десять прикосновений рабочих рук. Все остальное — бесшумная и невидимая работа ума.

Обратите внимание: в моем бреду компьютеров по-прежнему нет. С их изобилием в отличие от туалетного мыла «Тик-так» моя паранойя не уживается.

Владимир НАДЕИН.



КОММЕНТАРИЙ ДЕПУТАТА

Блиц-интервью с председателем СТД РСФСР народным артистом СССР М. А. УЛЬЯНОВЫМ

— Михаил Александрович! Как нам известно, рядом с усадьбой замечательного драматурга А. Н. Островского — знаменитым «Щелыково», что находится рядом с Волгой,— строится крупный химкомбинат. Именно поэтому вместо зеленого леса я изобразил на своем рисунке лес строительных кранов. Что бы вы как народный депутат могли бы сказать об этом вопиющем акте вандализма?

— Что говорить? Рыдать хочется. И так течение замедлено из-за грязи, река покрывается ядовитой зеленью, перевязанная, как путами, конструкциями гидроэлектростанции. Теперь еще добавит отходов химкомбинат — как раз около «Щелыково». Волга! Волга! Погублена будет и усадьба, где жил и работал великий драматург российского театра.

Мы писали об этой трагедии во многие инстанции. Но, к великому сожалению, пока все остается по-прежнему.

«Крокодил» является, пожалуй, последним местом, куда обращаются за помощью театральные деятели. Помогите!

Марк АБРАМОВ,
народный художник РСФСР.

Рассказ

ЛЮДИ-ЧЕЛОВЕКИ

Эдуард МЕДВЕДКИН

Руководитель одной из наших славных республик проводил совещание с руководителями областей. И, завершая его, расслабившись, посетовал: «Нужно быть проще. Все мы люди-человеки, у всех свои недостатки, есть шалости. Вот я, к примеру, с детства люблю на отдыхе дразнить кошку — «мяу». И если об этом скажут вслух — то ничего страшного, пусть народ пошутит». Областники нервно потеребили галстуки, а кое-кто потянулся за минералкой. Между тем выступающий оживился: «Великий французский президент генерал де Голль, не поверите, каждое утро начинал с просмотра прессы и, если на него не было десятка карикатур, сильно расстраивался из-за потери популярности.— Он отпил из стакана.— Это же обидно, товарищи, что самые популярные в нашей стране — слесари-водопроводчики. На них карикатур сколько угодно, а на нас — ни одной, вроде мы не существуем. Начну с себя. Начну с себя — пусть рисуют, опубликуют любой шарж или смешной коллаж,— я не боюсь. Действуйте! Я не боюсь!»

Все резонно сочли — блажь! И спокойно разъехались. Но не тут-то было. Руководитель то по телефону, то лично не забывал напоминать всем об утренних утехах президента де Голля. Особенно доставалось представителю столичной области. Тому отступать было некуда, и он собрал у себя редакторов газет и журналов.

— Товарищи,— сказал он,— мы живем в удивительное время демократии, гласности. Все мы — и начальники, и подчиненные — люди-человеки... У всех свои недостатки, есть шалости, вот я, к примеру, с детства люблю на отдыхе дразнить собаку,— и он изысканно исполнил собачий лай: именно исполнил, а не гавкнул, как потом рассказывали недоброжелатели.— Великий французский президент генерал де Голль, не поверите, каждое утро начинал с просмотра прессы и, если на него не было десятка карикатур, сильно расстраивался. Это же обидно, товарищи, что самые популярные в нашей стране благодаря вам слесари-водопроводчики. На них карикатур сколько угодно. А вот на руководителя республики — ни одной! Поэтому в ближайшее время он ждет от вас карикатуру на себя. Это — задание.

Редактор областной газеты рухнул в обморок — на него вылили графин воды, но он не хотел приходить в себя. Редактор «Вечерки» оправдывался тем, что ужасы на ночь читателям не положены. Редактор городской «молодежки» попросился на пенсию по возрасту. Остальные бубнили нечто невразумительное и старались улизнуть незамеченными. Махнув рукой на редакторский корпус, взяли быка за рога: вызвали на ковер мастеров резца и кисти, как членов Союза, так и стремящихся в члены. Всего набралось чуть больше ста. Сообщение о любви генерала де Голля к жанру сатиры было встречено овацией, но последовавшая за этим просьба осталась без аплодисментов.

— Это Москва требует? — интересовался кое-кто.— Пусть там и рисуют. Нам здесь жить.

— Снимают? — подозревали другие.

— Сажают,— утверждали третьи.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые воздержались от комментариев. Были такие, кто злорадствовал, шептался. А трое, самые отчаянные, нарисовали. Один показал жене... под одеялом и сразу же порвал. Второй никому не показал, запаковал, ящик обшил железом и замуровал в стену. А третий так зашифровал свое произведение, что сам путался, объясняя, при чем тут слон, заяц, две утки, американская атомная подводная лодка «Трайдент» и лозунг «Там, где газ — нужен глаз». Разбушевавшихся творцов еле удалось привести в норму. И тогда взоры обратились в глубинку.

Руководитель далекого района долго чесал затылок, но дисциплина победила. Возвратившись в родной районной центр, он приказал секретарше вскипятить самовар и пригласил на закрытую беседу тракториста Василия Краснопекова, учителя Герше Рабиновича и кое-кого из «своих». Тракторист грешил рисунками под скромным псевдонимом «Помпиду». Рабинович самодеятельно возделывал ниву изобразительного искусства, скрываясь под инициалами М. В., что означало Махмуд Васильев. Василий подъехал на тракторе, а учителя с узелком белья провожали жена и дети. Хозяин кабинета за чайком рассказал услышанное о перестройке, о гласности, а о прочих газетных новостях пообещал скоро показать фильм и перешел к французскому президенту.

«Все мы люди-человеки. У всех свои недостатки, шалости. Вот я, к примеру, с детства на отдыхе люблю дразнить этих: «Бэ-бэ»,— он заблеял натурально, как овца. Или, скажем прямо, как баран.— Но никто у нас над этим делом не шутит, вроде бы не замечают. Это обидно. На генерала де Голля по десять карикатур в день публиковали,— он поднял палец вверх,— а на нашего — ни одной. Вот он и просит меня, а я вас лично прошу постараться. Нарисуйте, как умеете. Я о вас не забуду. Выручайте.

— А сколько за работу дадут? — мрачно спросил Василий.

— Лет пять, наверное,— неуверенно ответил кто-то из «своих».

— Но, товарищи, я вам гарантирую без конфискации имущества,— загорячился хозяин.— И овощи свежие будут туда носить круглый год. Я прикреплю совхоз.

— Я не могу,— сказал Василий.— Мне новый трактор обещали. А за пять лет забудут.

— Детей жалко,— покрутил узелок с бельем Рабинович.— С женой я уже попрощался.

— Детей оформим в институт, как совхозных стипендиатов. Хату отремонтируем. В очередь на «Жигули» поставим как механизатора... Выйдете и сразу поедете.

— У меня прав нет,— простонал бедный учитель.

— А у нас права и не нужны. Пока я на месте. Соглашайтесь.

— Ва́м нести или прямо в органы? — тоскливо спросил Рабинович.— Я уже с бельем. Или можно пока домой?

— Мне, мне! Мы на бюро утвердим, потом дальше по инстанциям...

Через неделю номер районной газеты с карикатурой был отправлен в столицу. Остальной тираж пустили на растопку нового котла в старой бане.

Газета пришла на домашний адрес, чтобы видело поменьше глаз. Заказчик был ошеломлен. В нем боролись раздражение, гнев и здравый смысл. Он рассматривал карикатуру так и этак. Что и говорить: неприятно. Махмуд Васильев недаром изучал его фотографии и доклады. Кое-что угадал точно. Наконец, нервно хихикнув, он позвал жену. Она была из деревенских, серьезная, кандидат наук. Но, увидев карикатуру, не выдержала и захохотала. Нехотя, словно освобождаясь от чего-то тяжелого, засмеялся и он: «Знаешь, на де Голля каждый день по десять карикатур рисовали». Жена совсем развеселилась, просто зазвенела от смеха: «Деголльчик ты мой, еще девять осталось — и догонишь!»

Милиционер у дверей, услышав неслыханное, припал ухом к глазку.

— Смеются,— растерянно произнес он.— Вроде даже не начальники, а нормальные люди.



Борис Заходер

Когда

К мысу Горн
Рыба-Меч
Подплыла,
И на весь Мировой океан заорала:
— Перекуйте
сейчас же
меня на орало!

Ей ответили:

— Горна для этого мало.
Нужен молот (волшебный).
Волшебник-кузнец,
Наковальня,
Мехи,
Но и тут не конец:
Нужно прежде всего
чтобы время настало.

Совет современнику

Переливай
Из пустого в порожнее,
Только,
Пожалуйста,
Поосторожнее!

Значит, отличное (Заметки туриста)

Нас удивить
Нетрудно,
Как детей.
Ни выдумок не нужно,
Ни затей:

Нас удивляет клей,
Который клеит.
И врач,
Который хворого жалеет,
Ошеломляет
Чистый тротуар,
И магазин,
В котором есть товар;
Любезная улыбка
Продавца
Буквально
Разрывает нам сердца...

Рассудку вопреки?..

— Ах,
Рассудку вопреки
Миром правят
Дураки.

Удалось же
Дуракам
Умных
Так прибрать к рукам!

Процветание

Хорошо в этом мире
Проныре.

Для прохвоста
Все легко и просто...
И пройдоха
Обычно живет
Неплохо.

А уж
Проходимец,
Пролаза —
Те
Ни в чем не знают
Отказа!

Но лучше всего
Прохиндею,
Если он
Борец за идею!

Так написано
В древней книге
Известного
П. Р. Ощелыги.

Завет художника

Кто хочет честно
рисовать,
Тот должен чем-то
рисковать!

Из «Книги мелких заходерзостей»

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ЗООЛОГИЯ

Комары

Какие могут быть
Еще вопросы?
Осточертели всем
Вы, кровососы!

Всю жизнь, всю жизнь жужжать
На той же ноте —
Неужто мало вам,
Что кровь вы пьете?

Хоть чуточку скромней
Себя ведите:
Сосите, так и быть,
Но не зудите!..

Осел-оригинал

Осел
Женился
На Осе.
— Большой Осел!
— Но не как все!

Мангуст и Лангуст

У Мангуста
В животе было пусто.
И у Лангуста —
Тоже не густо;
И кто-то кого-то
Съел —
То ли Мангуст Лангуста,
То ли Лангуст Мангуста;

В сущности,
Кто — кого —
Важно лишь для него,
Для него одного...

Гадюка Семибатюшная

У Семибатюшной Гадюки
Детишек нет,
А сразу —
Внуки!
Такой уж вышел странный
случай!

Но первый внук
Был Гад ползучий,
Второй — Зануда,
Третий — Сыч,
Четвертый — Хрен,
А пятый —
Хрыч!
Зато единственная
Внучка —
Была
Хорошенькая Штучка!

Песня лягушек

Лягушек спросили:
— О чем вы поете?
Ведь вы же,
Простите,
Сидите в болоте!

Лягушки сказали:
— О том и поем,
Как чист и прозрачен
Родной водоем!



Койот

— Все на меня:
«Завыл, койот!»
А у меня
Душа поет!

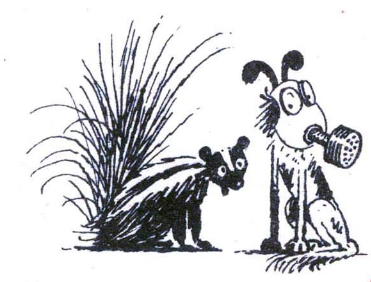
Гад ползучий

— Я, конечно,
Пресмыкаюсь,
Но нисколько
В том
Не каюсь!
Ибо тот,
Кто пресмыкается —
Никогда
Не спотыкается!



Скунс (вонючка)

Вонючке
Нелегко
Понять,
Как это можно — не вонять.
Ведь Скунс,
Который не воняет,
Свое достоинство
Роняет...



«Девятьсот тысяч несовершеннолетних в год задерживается за правонарушения и бродяжничество. В 1987 году убито 1299 детей, а еще 2194 покончили жизнь самоубийством».

А. ЛИХАНОВ, из выступления на Съезде народных депутатов СССР.

Маленький, аккуратный городок в Карпатах, казалось, был перерезан глухой стеной. Казенно-желтого цвета и фундаментального сложения, она ползла вдоль улицы и никак не вписывалась в игрушечную картинку города с улочками, выложенными плиткой, цветочными магазинами и тенистыми переулками.

Я брела вдоль стены... Вот и дверь, маленькая, малоприметная, запертая. После дотошных расспросов пожилой охранницы — кто такая, зачем приехала, к кому, с кем созванивалась, меня, наконец, пропустили.

Яркое южное солнце отражалось в пестрых рисунках, которым был разукрашен асфальт маленького дворика. Сидя на корточках, двенадцатилетние девчушки тщательно выцарапывали счастливую жизнь: папу, маму, собачку, ромашки и, конечно же, радостных детей.

В тот день в Стрыйской школе для детей, нуждающихся в особых условиях воспитания, проходил конкурс рисунка на асфальте. Конкурс был закрытым, как, впрочем, и само заведение. Но отнюдь не о пансионе благородных девиц пойдет речь, за угрюмой стеной располагалась спецшкола для девочек от 11 до 14 лет, которых в народе принято называть «нехорошими». «Трудновоспитуемыми», «неблагополучными» — так, более профессионально, определяют их педагоги. Вместе с завучем школы мы прошлись по коридорам здания, где до 1963 года располагалась тюрьма. Спальни — бывшие камеры, решетчатая дверь в столовой, узкие подслеповатые окна — все настраивало на унылый лад.

— Что-то у вас цветов на окнах не видно,— заметила я.

— Не растут,— объяснила завуч,— у нас и живого уголка нет. Здесь ничего живое не живет — специфика помещения.

Чем же так сильно напугали взрослое общество эти девчушки-пичужки?

Вот Надя... Ей тринадцать. Два года назад эта девочка уже научилась всему, что в пору знать зрелой даме легкого поведения. Науку любви преподавала родная мамаша, главным образом напирая на практические занятия. Мамины знакомые — все сплошь разбитные мужички — вскоре стали поглядывать и на вертящуюся под ногами малолетку.

— А ну, садись за стол, Надька! — сказал однажды кто-то из них.— А то в своем доме, как чужая. Уж выросла.

— Садись, садись, подружка,— развеселилась неизвестно чему подвыпившая мать.

Так Надя попробовала спиртное. А затем и запретный плод любви.

— Ты, Надька, главное, не тушуйся,— дыша по утрам перегаром, наставляла мамаша,— за тебя мужик сейчас все отдаст.

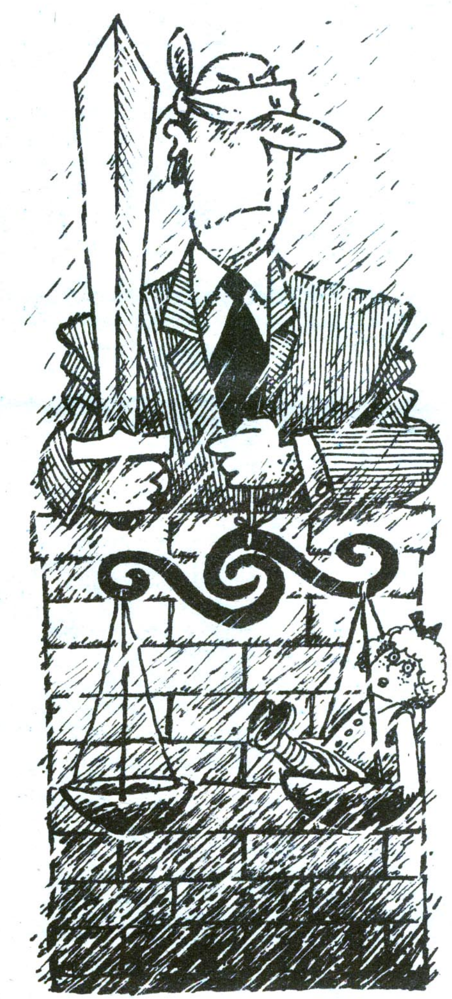
Но, увы, осыпать дарами их никто не торопился. Наоборот, расходы на выпивку пожирали и без того скудные гроши. За хроническую неуплату им отключили свет. Балконную дверь вышиб дядя Боря, упав на нее, а во входной сломался замок, и дверь не закрывалась вовсе, что служило постоянным предметом для шуток.

Надя чувствовала, что жизнь идет наперекосяк, настроение было гадким. По городу ползли грязные слухи, и она начала стыдиться школьных подружек. Да и они не стремились общаться с ней: кому мать позволит с такой водиться! Самую близкую ее приятельницу родители даже отлупили. Надя бросила школу и пустилась в бега. Немного пожила у любовника матери — ближе, как ни печально, никого не оказалось, а потом удрала и от него. За бродяжничество инспекция по делам несовершеннолетних отправила Надю сюда, а мать сгинула в неизвестном направлении искать свое женское счастье.

Словно страницы жестоких романов, листаю я судьбу этих девчонок. Нина... Ее спаивала родная мать, а затем старик сторож, воспользовавшийся затюканным положением малолетки: велел по ночам приходить в сарай. Сначала пообещал велосипед, который для Нины был, как для другого «мерседес».

Ирина СКОРОБОГАТОВА, специальный корреспондент Крокодила

НЕХОРОШИЕ ДЕВОЧКИ



Но велосипед дед так и не подарил, зато пообещал: «Не будешь ходить — убью» и погладил ружье. И запуганный ребенок верил — впрямь убьет.

Риту систематически дубасил пьяный брат, к Гале приставал отчим... Все они удрали из дома и оказались в школе как бродяги.

Чем больше я знакомилась с девочками, тем отчетливее вызревал вопрос, а что, собственно говоря, они здесь делают? За что их-то, и без того обиженных судьбой, упекли в эту тюрьму? Пусть педагогическую, но все-таки тюрьму. Им сочувствия надо, тепла, а их давят жестким, оставшимся в наследство от тюрьмы режимом, предполагающим обязательную изоляцию воспитанниц от свободного мира чистенького городка.

— А мы не любим ходить в город,— доверительно сообщила мне одна из девочек.— Нас там проститутками обзывают.

— От этих детей зачастую просто хотят избавиться,— объяснил мне ситуацию начальник управления интернатами и вспомогательными воспитательными заведениями, охраны прав детей Комитета по народному образованию СССР Г. Макаров.— Ведь лишить мать родительских прав, передать ребенка в обычный детский дом — это куда хлопотнее, чем просто «сплавить» неблагополучного ребенка в «спецуху». И направляют их сюда не пьяницы мамаши и не их похотливые дружки, которые, кстати, в отличие от искалеченных малолеток наслаждаются свободой, а общественность. Да-да! Высоконравственная и вполне трезвая общественность.

Несколько слов о составе самих комиссий по делам несовершеннолетних: одни прикреплены к исполкомам и насчитывают человек двадцать — двадцать пять общественников. Представители роно, милиции, прокуратуры — единичные, но подчас именно они заинтересованы в том, чтоб убрать ребенка, который доставляет им головную боль. А общественники соглашаются с ними.

— Как быть с режимностью спецшкол? Не слишком ли это жестоко по отношению к обиженным судьбой детям?

— Безусловно, режим надо смягчать, но не забывайте, что в такие спецшколы направляются и малолетние преступники. Вот ведь какая каша замешана! Окончив следствие, милиция передает дела малолетних нарушителей закона на комиссию при исполкоме, а она направляет их в ту же закрытую спецшколу, что и «неблагополучных», но вполне благонадежных.

В Комитете меня познакомили со статистикой: около тридцати процентов совершенно невинных созданий мается за такими вот желтыми стенами в одной компании с правонарушителями. И только из-за наплевательского, равнодушного отношения к ним взрослой общественности! Если ошибочно угодит за решетку взрослый — к его услугам целый арсенал защитных средств: требуй, протестуй, пиши хоть Генеральному прокурору. А что несовершеннолетний? Мало того, что над ним издевались дома, коверкали, как хотели, его начинающуюся жизнь, так, оказывается, и вступиться за него некому! Вот и сидит девчушка за глухой стеной, строчит наволочки, стесняется показаться людям на глаза, да еще сносит обиды и оскорбления от сверстниц, которые оказались в условиях режима вполне заслуженно.

Прежде всего надо, и как можно скорее, провести четкую градацию между малолетним преступником и просто обделенным судьбой. И пусть несовершеннолетний вор, разбойник или убийца (здесь бывают и такие!) получит свое, но ребятишки, о которых ведем речь мы с вами, не должны терять право на нормальную жизнь. Ведь педагоги утверждают: в условиях педагогической тюрьмы многие портятся окончательно.

Куда им деваться? Куда бежать из гнилых семейных гнезд? Попробовать разместить их по одному в самые благополучные интернаты или даже в семьи, где желают помочь этим детям? Или создать специнтернат только для них? Вариантов много, если подумать. Но главное — должен быть индивидуальный подход к судьбе каждого ребенка.

— У ребенка должен быть свой адвокат, и пусть судьбы таких детей определяет суд. Назовем его семейным, чтобы не пугать ребенка грозным словом, и смягчим юридический процесс, но мы обязаны предоставить подростку защитника,— сказал мне Г. Макаров в конце нашего разговора.

Прекрасная, гуманная идея! Но вот только когда она воплотится в жизнь? Пока же учебные заведения за глухими заборами регулярно пополняются новыми питомцами, а убийственные цифры, приведенные на Съезде, растут.

РЕКВИЕМ

Л. НАСЫРОВ.

ЧЕЛОВЕК — «ЦАРЬ» ПРИРОДЫ

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.



В НАШЕМ ЦЕХЕ

НА ЕГО МЕСТЕ ТАК ПОСТУПИЛ БЫ КАЖДЫЙ!

...Ну, что я могу сказать о новой книге Михаила Жванецкого «День за два»? Ну, прочитал я эту книгу... Правда, в некоторой спешке, потому что в ней как-никак 412 страниц, а мои друзья (тоже «друзья» называются!) дали мне ее ровно на два дня и две ночи: за ней, видите ли, уже установилась очередь! Поскольку те, которые в очереди, не могут пойти и купить ее в книжном магазине. Поскольку она так быстро была продана. Только Жванецкий здесь ни при чем. Просто у нас хорошо поставлено книготорговое дело.

Ну, что можно сказать об этой книге?

Откровенно говоря, такую книгу может написать каждый! Если только он родился или долго жил в Одессе. Там просто климат соответствующий. Так было с Ильфом и Петровым, так было с Катаевым, Бабелем, с дюком Ришелье... Впрочем, дюк пробыл в Одессе недолго, поэтому не успел начать острить по-одесски... (Я, к сожалению, тоже был в Одессе только проездом.)

И, конечно, каждый мог бы издать такую книгу, если бы у этого каждого были бы такие необыкновенные зеленые глаза, как у Жванецкого, перед которыми не может устоять ни одна редакторша, даже такая бескомпромиссная и принципиальная, как Лариса Гамазова из издательства «Искусство» (лично у меня глаза другого оттенка, что, видимо, и помешало мне издать подобную книгу...).

И, наверное, у каждого рвали бы из рук его сборник, если бы у этого каждого была бы такая же популярная фамилия, как Жванецкий...

Впрочем, и это не его заслуга, потому что каждый бы мог стать популярным, если бы его монологи читали с эстрады такие знаменитые артисты, как Аркадий Райкин, Роман Карцев и Виктор Ильченко, Сергей Юрский: им что ни дай, у них все получится смешно. Но почему-то они не все берут. И не у всех! Видимо, фамилия не та. (Лично у меня фамилия тоже другая. А то бы... Будьте спокойны!)

Теперь дальше: я уверен, что каждый смог бы пропихнуть в печать свое «избранное», если бы предисловие к нему написал такой известный писатель, как Андрей Битов. С его предисловием и я бы мог! Так что никакой заслуги Жванецкого и здесь я не вижу...

Правда, надо быть справедливым, на концертах, где Жванецкий сам читает свои рассказы, обычно бывает полно народа. Так ведь у каждого был бы полный зал, если бы они (об этом сам Жванецкий говорил по телевизору, будучи в жюри на конкурсе красоты) привозили из-за границы себе импортные смокинги. Со смокингом-то каждый сможет!..

Ах, да!!! Я же о книге!..

И тут для полной объективности с горечью должен отметить, что она не лишена существенных и принципиальных недостатков. Главный из них — мало своего, оригинального, привнесенного самим писателем, его наблюдениями, фантазией. Огорчает и разочаровывает, когда видишь, как много заимствовано им из, так сказать, народного творчества, из фольклора. Тут писателем полностью утрачено чувство меры. Ну, хорошо, заимствуй раз, заимствуй два, но нельзя же до бесчувствия. Листаешь книгу и встречаешь сплошь и рядом знакомые, много раз услышанные, ходовые, примелькавшиеся выражения... Судите сами:

«Нормально, Григорий! Отлично, Константин!» Знакомо? Еще бы! Заимствовано у народа!!!

«В Греческом зале, в Греческом зале!» Фольклор? Фольклор!

«...Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно поговорить: о Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...» Узнаваемо? Еще бы — сотни раз слышано!

Конечно, может быть, я субъективен. Поэтому хочу объективности ради привести цитату из книги Жванецкого, где он поместил мнение одного из своих «поклонников»: «Жванецкий был всегда мне симпатичен. Еще с недобрых времен застоя. Ну, я всем так и говорил. Только те услышали и мне возразили: «Ты думай, кого хвалишь. Он не наш человек. До сих пор удивляемся, как это он столько лет устоял, а не... усидел... У него же все с подтекстом, с намеками. Пойди и всем так и скажи». Я пошел и сказал, что те считают, что он не наш, что у него все с намеками. А эти сказали: «Что ты болтаешь? Он честный, хороший писатель. И книга у него вышла хорошая, острая, смешная. Так всем и скажи!» Я пошел и сказал всем, что он честный и книга у него хорошая. Тогда те спросили: «А ты от кого это слышал? Называй фамилии и адреса. Или, может, ты диссидент, если Жванецкого хвалишь? Иди сейчас же и скажи кому надо, что он очернитель нашей светлой действительности». Я пошел и сказал, что те говорят, что он очернитель. Тогда эти услышали и сказали: «Слабак ты, своего мнения не имеешь. А все потому, что...» А дальше они про меня такое сказали, что я повторять не буду, чтобы не засорять наш звучный, красивый язык...»

Вот такое мнение высказал товарищ. Я вам его сообщил в порядке информации. А теперь, если вы, прочитав мою беспристрастную рецензию на книгу Михаила Жванецкого, побежите занимать очередь за ней, рассчитывая на дополнительный тираж сверх тех ста тысяч экземпляров, которым она издана, то имейте в виду: вы будете сто тысяч вторым, а сто тысяч первым занял очередь я. И вообще вы тут не стояли!..



Виталий АЛЁНИН.

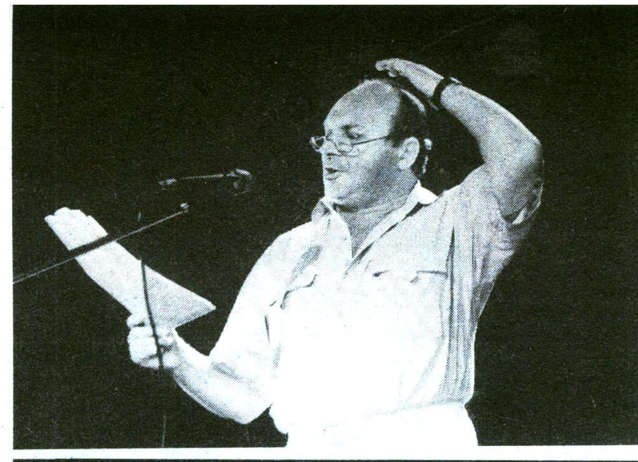










Фото Б. КРЕМЕРА.

Раймонд ПАУЛС:
«Беда в том, что исчезают профессионалы»

— В стране происходят сложные, подчас противоречивые процессы — политические, экономические, национальные. Многие растерялись, считают, что положение наше безнадежно, что мы стремительно летим в пропасть. Но, с другой стороны, налицо и позитивные явления, такие, например, как явная демократизация общества, гласность, конструктивные предложения ученых, неформальные движения и т. д. Это показали и первый Съезд народных депутатов, и последовавшая за ним сессия. Раймонд Вольдемарович, как вы, народный депутат СССР и депутат Верховного Совета Латвийской ССР, оцениваете ситуацию в стране?

— Я бы не стал очень уж драматизировать ситуацию. Я тоже слышу, как некоторые говорят: «Это катастрофа! Это гибель!» Я с такими мнениями абсолютно не согласен. Да, положение в стране сложное, мы, так сказать, дошли до ручки и должны сейчас както выкарабкиваться. В том числе и в области межнациональных отношений, которые развиваются местами даже опасно... Мы ко всему этому оказались совершенно не готовы! Мы привыкли, что все сложности, разные митинги, забастовки, пикеты — это все там, у них, где-то за океаном. Но когда все это появилось у нас, нам уже кажется: конец света... Но, посмотрите, вон в Англии то и дело бастуют — то одни рабочие, то другие, то все аэропорты позакрывали! А они, представьте, не переживают особо, просто стараются скорее найти решение конфликта. Потому что в общем-то это вполне нормальная ситуация — форма борьбы людей за свои права. И нам надо отбросить эмоции и искать выход.

Возьмем нашу экономику. Да, мы сидим здесь в глубокой яме, так аккуратно скажем. И если кто-то что-то в этом смысле рациональное предлагает или уже даже пытается делать — надо всячески идти навстречу. Логично?

Оказывается, не для всех. Я вот недавно после операции, поэтому в основном нахожусь дома, смотрю по телевизору сессию Верховного Совета СССР. А там обсуждали как раз литовские и эстонские программы по переходу на экономическую самостоятельность. С удовольствием смотрю, как братья-прибалты все прекрасно продумали, умно обосновывают. Казалось бы, радоваться надо, что хоть кто-то все продумал, идет первым вперед, рискует даже. Но... смотрю я телевизор, наблюдаю реакцию депутатов, и мне становится обидно до слез: хотя и приняли программы, но как же много у них было противников! И где? В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ СТРАНЫ?!

Известно, что мы, прибалтийцы, и сейчас живем несколько лучше, чем, скажем, в среднем по России. А почему? Убежден: потому, что здесь еще не до конца потерян вкус к труду, в частности крестьянскому. Нас, по-моему, спасает то, что в нашей крови еще осталось чувство хозяина, частный интерес, который сейчас модно называть экономической заинтересованностью. А у нас вечно какие-то шоры перед глазами: то одного слова боимся, то другого, все нам мерещится, что скатываемся в капитализм. А частный интерес — это ведь никакой не капитализм, это просто **человеческая** сущность, вот и все.

Но все же я не пессимист. Посмотрите, это же здорово: люди начали говорить то, что думают! И дал это Съезд. Конечно, было и много хаоса, культуры дискуссий не хватало. Были и омрачающие моменты, как, скажем, в эпизоде с академиком Сахаровым. Это, я считаю, просто позор для всех нас. Убежден: на следующем Съезде мы должны перед ним извиниться от имени всего Съезда.

Конечно, Съезд затянулся, да и последующее назначение министров... это тяжело было вынести, оно, по-моему, проходило в старых, бюрократических традициях. И вообще странно: все депутаты вроде ругают претендента на пост, а начинают голосовать и... назначают! Где тут логика? И потом смотрите: как я могу голосовать за человека, если я его вообще не знаю? Какой он человек? Какой специалист? Разве в таких условиях можно выбрать достойного?

Могут сказать: что же, мол, ждать от Верховного Совета, который не совсем удачно подобран, да еще на 5 лет... Я считаю, самая большая ошибка — выборы депутатов от общественных организаций. Это явный удар по демократии. Уточню: выдвигать от общественных организаций можно, но сами выборы должны быть равные для всех кандидатов. А то все эти «общественники», квоты: 100 кандидатов на 100 мест, еще раз 100, потом 75, да еще от ветеранов, от филателистов... Это самая консервативная часть Съезда.

И окружных собраний никаких не надо. Ясно же, это лишнее аппаратное сито, где отсеиваются неугодные кандидаты.

И еще. Считаю, что выдвижение известных людей должно прекратиться. Мы, творческие работники, можем, конечно, умно говорить, особенно писатели, это тоже на каком-то этапе нужно. Но когда начинается работа над законами, по которым нам жить,— какой, например, от меня толк? Ну, в самом деле, как я могу разобраться во всех этих экономических системах? А ведь я должен принимать серьезные решения, в которых ничего не понимаю. Потому что я **не тот** специалист. Я могу сказать, кто хорошо поет, а кто плохо. А для работы в Верховном Совете нужен совсем другой специалист. Экономист, юрист, профессиональный политик. То есть каждый должен делать свое дело.

Вот прошли забастовки шахтеров. Они отчетливо показали, что профсоюзы — ноль! Абсолютно пустое место! Ведь именно они, профсоюзы, должны были защищать интересы и права рабочих, тех же угольщиков. Так вот, если б профсоюзы раньше занялись этим своим прямым делом, убежден, забастовок бы не было. А они лишь распределяют путевки — и ничего более!

— Вы, известный композитор, виртуозный джазовый пианист, народный артист СССР, теперь еще и министр, точнее — председатель Госкомитета Латвии по культуре. С какими проблемами вы столкнулись на этом посту?

— Прежде всего с тем, что, оказывается, мне надо почти забыть, что я композитор и пианист. Сочинять музыку удается лишь урывками, как вот сейчас, в отпуске, после больницы... А что касается проблем в области культуры... Лучше, чем сказал на Съезде академик Лихачев, не скажешь. Это было единственное выступление, под которым я мог бы подписаться безоговорочно. Абсолютно разделяю его боль, его высочайшую требовательность. Но... к громадному сожалению, его речь не была должным образом воспринята аудиторией. Видимо, в свете переживаемых страной событий... сейчас немного не до того.

Ведь до сего дня мы, культура, держимся на том, что нам соизволят дать. До сих пор действует в отношении культуры тот же самый, всеми уже изруганный **остаточный** принцип. Мы настолько все запустили, что буквально не знаешь, за что хвататься. Например, в Риге ничего после войны не построено! За 44 года — один театр. Один! Театр имени Райниса на улице Ленина. И все. Остальное — старые, дряхлые здания, в которых и концертто серьезный не проведешь. И вот в чем моя министерская деятельность — постоянно что-то пробиваю. А собственно культурой уже и заниматься некогда. Хотя проблем здесь!..

Главная из них: несколько поколений мы уже упустили, а попросту — испортили. В смысле культуры. Сейчас очень трудно найти истинно культурного человека. Такого, как, например, тот же академик Лихачев. Или, скажем, очень умный, интересный Ролан Быков... Культурного человека надо нам сейчас заново создавать. Сначала мы его убили, а теперь надо быстренько, по заказу создать. Но как? Это ведь воспитывается веками! Начинать надо со школы. Как меня учили? То цитаты Сталина зазубривали, то Хрущева, потом Брежнева... И каждый раз после кончины одного «пророка» заставляли выкинуть из головы его цитаты, а учить следующего. Все эти эпохальные «Малые земли», «Возрождения»... Сколько же мы потеряли на этом!

Надо срочно менять университетские, консерваторские программы. Больше заниматься **специальностью.** Овладевать профессией. Беда в том, что исчезают профессионалы. Уже почти нет! Своих мы истребили, а многие таланты и мастера укатили из страны, убежали от этого ада. Теперь мы о них сожалеем, просим прощения, кусаем локти, ведь это были лучшие наши интеллектуальные силы. Вспомним хотя бы Ростроповича.

Вот еще с какой проблемой столкнулся я на посту министра: даже в министерстве почти невозможно подобрать работника, который бы знал дело. Или нужен директор театра — не можем найти! Тут же нужен не просто администратор, а человек, знающий театр. Не говоря уж о том, что и платить-то мы ему достойно не можем. Как, впрочем, и актерам театра. Эстрадникам-то сейчас полегче, у них есть возможность работать с кооперативами, которые платят бешеные деньги. Это, конечно, перекос, и я не уверен, что такие кооперативы заслуживают похвалы. Но, с другой стороны, я — за актера! Потому что дико же, когда актриса такого уровня, как Алла Пугачева, еще недавно получала за целый концерт... 40 рублей! А теперь кооператив платит тысячи. Конечно, тоже абсурд, но я лично рад за талантливых актеров, пусть зарабатывают, пока их искусство требуется публике. Это же своеобразный рынок!

— И последнее, Раймонд Вольдемарович. Крокодил не может обойтись без специфического вопроса: что вам показалось смешным или, может быть, нелепым в последнее время?

— Ну... Озадачили вы меня... Самое смешное и радостное для меня сегодня — это появление внучки. Все мои умиления вот уже два месяца связаны только с этим. А в общественной моей жизни если и есть смешное, то оно действительно одновременно, как вы сказали, и нелепое. И связано, между прочим, с системой выборов в народные депутаты. Я уже вам говорил: все без исключения кандидаты должны проходить на общих основаниях, от территорий. В противном случае получается и смешно, и нелепо. Вот я, например, по три-четыре раза в день выступал перед избирателями в Лиепае, отвечал на неприятные вопросы, убеждал в чем-то, спорил. А другой наш депутат ничего этого не прошел, стал депутатом шутя, как в прежние времена, без всякой альтернативы. И еще над нами, такими, как я, издевается. И вот самое смешное: на Съезде он подходит ко мне и объявляет, что я, дескать, не имею права говорить от имени республики. Значит, он, которого сюда послали сто человек, имеет это право, а я, которого выбрал народ, не имею права?! Смешно и нелепо...

В кулуарах сессии Верховного Совета Латвии депутату Раймонду Паулсу докучал Григорий КРОШИН.

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ



Гаммы 1940-х...



В. ДМИТРЮК, Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

В. МОЧАЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

Е. СНЕЖКО (Ярославль).

— Николай Николаевич, вы хоть поездку-то оправдали?

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ТИЛЬМАН (тема).

Виктор ПОДКОВА,
специальный корреспондент Крокодила



ИЛИ
КАК ГОСКОМИЗДАТ УССР СПАСАЛ СОЦИАЛИЗМ

Конечно, другие учреждения тоже спасали. Но делали это как-то вяло, с оглядкой, зачастую даже без материального ущерба. А вот Госкомиздат УССР в 1984 году действовал решительно и рубил наотмашь, как и подобает идеологическому учреждению. Хорошим доказательством этому служит нижеследующий документ:

РЕШЕНИЕ КОЛЛЕГИИ

Ознакомление в Госкомиздате УССР с контрольным экземпляром книги В. Терехова «За перевалом перевал» (издательство «Таврия», редактор Сосновский С. К.), рецензии специалистов показали, что в этом издании допущены крупные ошибки идейно-методологического характера...

Важные вопросы охраны окружающей среды в книге противопоставлены научно-техническому прогрессу, который трактуется как неизбежное зло, что в корне неверно, противоречит утвердившейся в социалистическом обществе практике природопользования...

Коллегия решила:

Распространение книги «За перевалом перевал» запретить. «Укркниге» возвратить тираж издания для уничтожения. Убытки отнести на результаты финансово-хозяйственной деятельности издательства.

Поручить руководству издательства «Таврия»: ...в установленном порядке решить вопрос о дальнейшей работе в издательстве старшего редактора т. Сосновского С. К.

А. ПАЩЕНКО,
председатель Госкомиздата УССР.

Представляю себе лицо читателя, снедаемого сомнениями. Ведь коллегия — сплошь столпы книгоиздательского дела и генералы от литературы. Неужто некому было вырезать из решения коллегии унтерские формулировки вроде «убытки отнести на результаты»? Увы, читатель, сделать это не так-то просто: решение коллегии вступает в единоборство не только со стилистикой, но и с самим здравым смыслом. Да и как не вступить, если решение создавалось в запале, с коим столпы книгоиздания защищали социализм от автора книги «За перевалом перевал» В. Терехова и старшего редактора С. Сосновского?

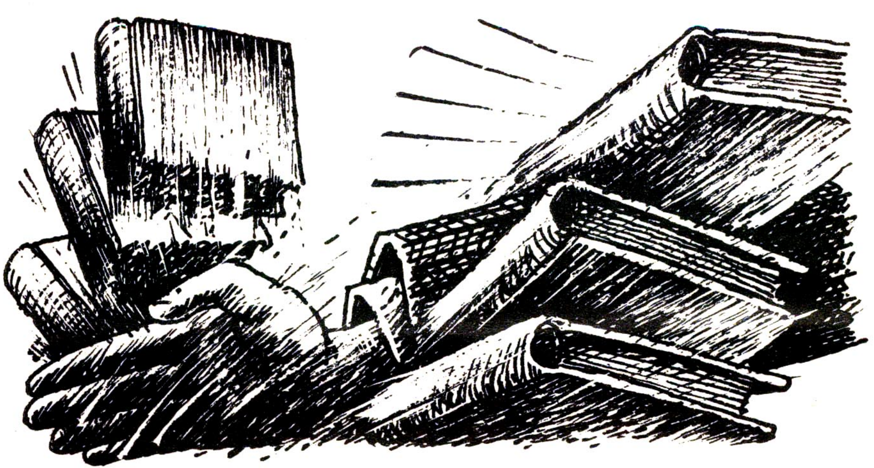
Итак, тираж стоимостью 78 тысяч рублей был уничтожен. Причем сделано это было, так сказать, не только собственным разумением коллегии, а на основе двух рецензий, из коих в решение перекочевали фразы, отдающие политическим доносом тридцатых годов. Вот как оценивает книгу кандидат филологических наук В. Карпенко: «Главный, пожалуй, просчет автора и издательства... заключается в смещении социально-классовых критериев при оценке научно-технического прогресса... Известно, что научно-технический прогресс нередко оказывает отрицательное влияние на состояние экосистемы. Особенно остро это проявляется в классовом обществе, в империалистических странах... Комментарии, как говорится, излишни: отсутствие классового подхода часто заводит в дебри абстракций».

Любопытно, каким образом автор и редактор краеведческой книги сумели вступить в противоречие аж с самим социализмом? А очень просто: они призывали господствующий класс — пролетариат не губить деревья, не загаживать реки и вообще бережно относиться к природе.

Примерно такая же история случилась и с другой аналогичной книгой редактора Сосновского, по поводу которой также был приказ по Госкомиздату УССР «О серьезных ошибках, допущенных издательством «Таврия» в книге «Бахчисарай». Вот его основная суть:

1. Распространение книги «Бахчисарай» запретить, тираж уничтожить...

2. Принять к сведению, что редактор Сосновский С. К. от занимаемой должности освобожден.



Ну и, конечно, любимое: «Убытки отнести на результаты». Как и вышеупомянутое решение коллегии, образец этого языкотворчества предписывалось «разослать всем издательствам, объединениям Госкомиздата УССР и облполиграфиздатам». Не иначе, для того, чтобы брали пример с вышестоящей инстанции.

Вот этот приказ и принес корреспонденту Крокодила бывший редактор издательства «Таврия» С. Сосновский, ныне состоящий в должности ночного сторожа: за что уничтожили безобидную краеведческую книгу, которая, кстати, до этого уже выдержала два издания? Прочитав книгу и ничего опасного для социализма не обнаружив, корреспондент уставился на ее обложку и, напрягая фантазию, стал искать что-нибудь антихудожественное. Увы, на обложке изображается мозаичная картинка, похожая на цветок.

— Да вы посмотрите, сколько лепестков у этого «цветочка»! — подсказал изгнанный редактор Сосновский.

— Шесть...— честно подсчитал корреспондент.

— Ага, значит, это не цветок, а звезда Давида!

Оказывается, ему самому объяснили это в интимной беседе ответственные работники Госкомиздата УССР А. Ирлин и А. Слободяник, проводившие следствие по книгам «За перевалом перевал» и «Бахчисарай». Видимо, через эту «звезду» редактор и пытался внедрить в социалистическое общество чуждую давидовскую идеологию.

Редактора С. Сосновского, согласно приказу, уволили. Потом, однако, восстановили на работе — согласно решению суда. После этого он продержался на работе целых два с половиной года, мужественно отражая натиск директора издательства И. Клоссовского и зав. редакцией Г. Гржибовской. Теперь ему было недосуг покушаться на устои социализма, он почти еженедельно «нарушал трудовую дисциплину» и почти ежеквартально «срывал сроки сдачи рукописей», за это и был снова уволен в 1987 году. Надо же, двадцать лет считался высококвалифицированным редактором, передовиком производства, имел 30 поощрений за хорошую работу, вписанных в трудовую книжку...

И выпутаться из этой истории Сосновский уже не может. Обращается в суды и прокуратуры всех инстанций, в Крымский обком КПСС, в Госкомиздат СССР. Более того, лично и неоднократно председателю Госкомиздата СССР писали деятели науки и культуры г. Симферополя, включая писателей, докторов наук и академиков — общим числом 48 человек, знающих С. Сосновского по совместной работе.

Ответы же получали от того, на кого жаловались, а именно от начальника управления сводного тематического планирования и координации Госкомиздата УССР А. Ирлина и его заместителя А. Слободяника. Те, словно под копирку, штамповали отписки в том смысле, что Сосновский, мол, «на протяжении длительного времени в ущерб интересам дела нарушал не только производственную, но и трудовую дисциплину, допускал грубые ошибки».

При дотошном расследовании выяснилось, что «грубые ошибки» — это те самые, которые в решении коллегии назывались «крупные ошибки идейно-методологического характера». Что касается нарушений трудовой дисциплины, от этого никуда не уйдешь. Бдительное руководство издательства несколько раз фиксировало отсутствие Сосновского на рабочем месте, когда он бегал в суд или прокуратуру, стараясь защитить свое доброе имя.

Ныне руководство Госкомиздата УССР сменилось. Не будем подозревать теперешнего председателя Ю. Дьяченко в том, что он очень внимательно прочел приведенные здесь решения коллегии и приказ. Иначе, надо полагать, он бы или смутился, или возмутился. Во всяком случае, именно такая реакция была у заведующего идеологическим отделом ЦК КПУ Л. Кравчука, которому корреспондент Крокодила дал прочесть приказ об уничтожении книги «Бахчисарай».

— Ну, в наше время такая ситуация исключена! — возмутился Леонид Макарович, пообещав во всем разобраться...

С тех пор прошло больше года. А ситуация мало в чем изменилась. Нюанс такой: теперь Сосновский обвиняется не в подрыве устоев социализма, а в сутяжничестве, интриганстве и обладании дурным характером. Теперь, дескать, и рады бы восстановить его в прежней должности, да боятся, что он разложит здоровый коллектив издательства, руководимый все тем же И. Колоссовским, который изгонял его с работы. Так что пусть лучше остается ночным сторожем и крепко сторожит вверенный ему объект...

Симферополь — Киев — Москва.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

«ЛЯРУСС» А ЛЯ РЮС

В одном из изданий уважаемого французского словаря «Лярусс» статья об Иване Грозном в переводе с французского начинается так: «Иван Грозный — русский царь, названный за свою жестокость Васильевич...»

ЖИТЬ МОЖНО

По сообщению газеты «Интернэшнл геральд трибьюн», бельгийское правительство выплачивает ежегодную пенсию наследникам герцога Веллингтона — победителя при Ватерлоо. Седьмой герцог Веллингтон получает ежегодно 100 тысяч франков плюс еще 2 миллиона франков в год в виде ренты с ферм, расположенных на поле былого сражения.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА ВАТИКАНА

Писатель Грэм Грин, будучи католиком, удостоился аудиенции у папы римского Павла VI. В разговоре выяснилось, что любимым романом папы был и остается роман Грина «Власть и слава». Писатель в изумлении сказал: «Но ведь «Власть и слава» помещен в список запрещенных Ватиканом книг». «Мало ли дураков на свете!» — невозмутимо ответил папа.

Близнецов («ССС»)
нянчил А. БЕЙЛИН,
г. Москва.

ТУТ ОДИН РАССКАЗАЛ...

ЧТОБЫ УМЕСТИЛИСЬ ВСЕ ОРДЕНА...

Как-то Сталин вызвал А. М. Горького и сказал ему:

— Алексей Максимович, вот вы написали замечательное произведение «Мать». Не могли бы вы еще написать роман «Отец»?

— Не знаю, товарищ Сталин, на это ведь нужно вдохновение, но попытаться можно.

— Вот вы и попытайтесь. Ведь попытка не пытка. Правильно я говорю, товарищ Берия?

* * *

Однажды Л. И. Брежнев вызывает к себе министра торговли и говорит:

— Здесь от старых большевиков поступила жалоба, что в последнее время в продажу стала поступать водка, на упаковочной головке которой нет язычка — открывать неудобно!..

— Разберусь, Леонид Ильич...

Затем Брежнев прошел на кухню, достал из холодильника бутылку, отвернул винтовую головку и задумался: а зачем здесь еще язычок? Привередничают старички!..

* * *

— Когда у нас будет покончено с пьянством?

— В двенадцатой пятилетке.

— А почему не в одиннадцатой?

— В одиннадцатой будет покончено с закуской.

— Ты слышал, что Леониду Ильичу будут делать операцию?

— Нет. А какую?

— Расширять грудь, чтобы уместились все ордена.

* * *

Брежнев, желая узнать благосостояние подданных, переоделся попроще и пошел в люди. Увидел мальчугана, жующего бутерброд с икрой.

— Где твой папа?

— Уехал на работу на новой машине.

— А мама?

— Уехала на рынок на старой машине.

— А дома кто?

— Бабушка. Смотрит цветной телевизор.

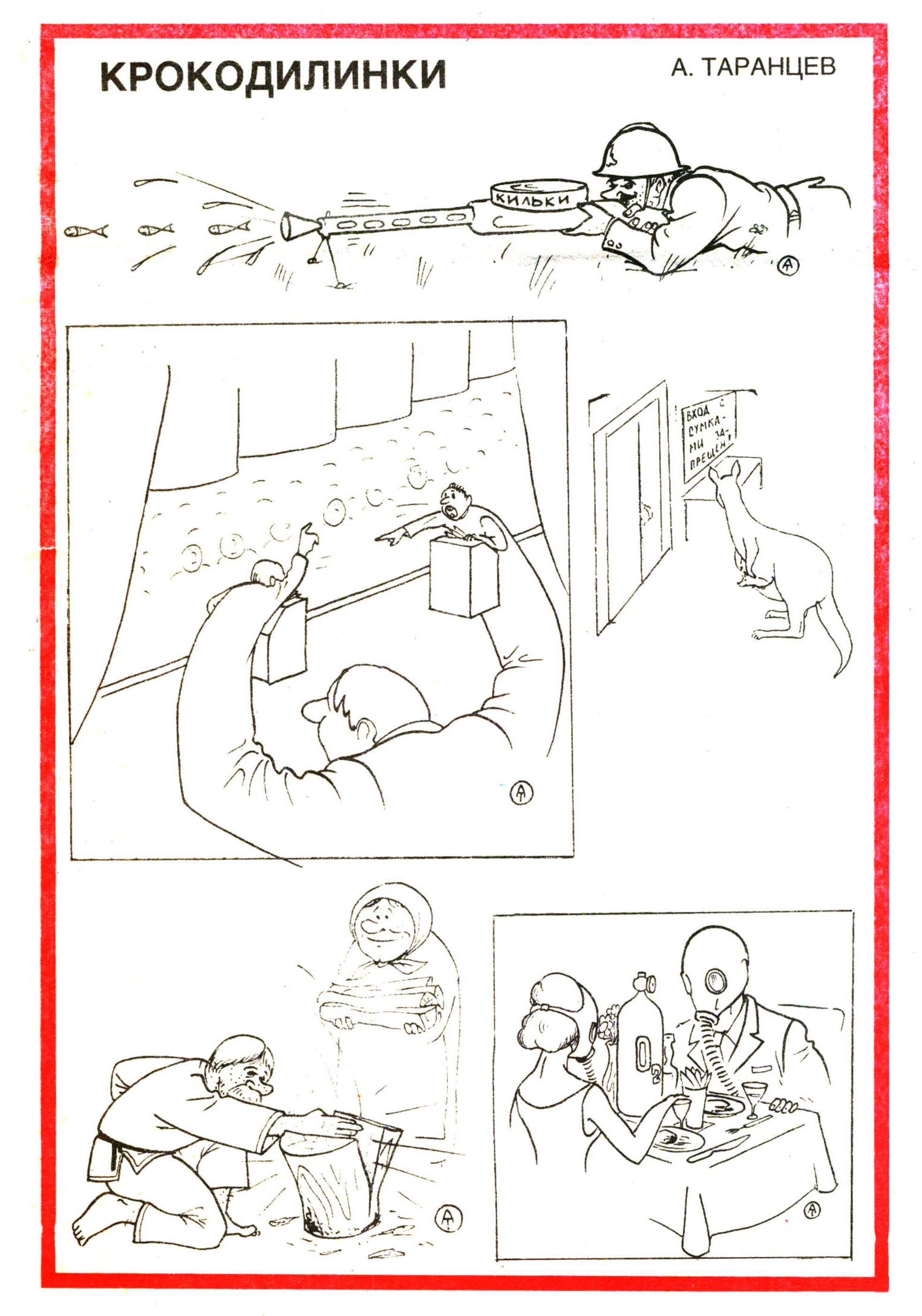
— Вот видишь, мальчик, это я для вас все сделал!

— Бабушка!!! Дядя Изя из Америки приехал!

Из коллекций читателей Ю. ЖИЛЕНКО (г. Москва), С. ЛЕВАШОВА (г. Сочи), А. ГЛУШКОВА (с. Ильина Поляна Башкирской АССР) и Г. КУЛИЖНИКОВА (г. Москва).

КРОКОДИЛИНКИ

А. ТАРАНЦЕВ



В. ВИТАЛЬЕВ

ВИНОВАТА ТОЛЬКО ХАТА...

В ТОМ, ЧТО ПИСЬМА И ПОСЫЛКИ ИДУТ К НАМ ИЗ ЗАМОРСКИХ СТРАН МЕСЯЦАМИ

Для начала решим несложную арифметическую задачу. Дано: расстояние от Лондона до Москвы 2550 километров. 13 октября 1988 года из Лондона в Москву авиапочтой была послана открытка. Спрашивается: какого числа она достигнет адресата?

Считаем: средняя скорость современного самолета 900 километров в час. С учетом взлета и посадки он должен преодолеть вышеуказанное расстояние максимум за 4 часа. Сделаем поправку на почтовые формальности: сортировку, доставку и т. д.— по два дня с каждой стороны — и получаем, что открытка должна быть в Москве 17-го либо в крайнем случае 18 октября.

Теперь сверимся с ответом. Что такое?.. Мы ошиблись почти на 50 дней, ибо вполне реальная почтовая открытка с профилем королевы Виктории на марке, посланная мною жене 13 октября 1988 года из почтового отделения на лондонской Фаррингтон-роуд, была получена в Москве... 6 декабря. 55 дней понадобилось ей для покрытия расстояния в 2550 километров. Иными словами, она проковыляла через Европу со средней крейсерской скоростью 2 километра в час!

Я получил эту открытку спустя месяц после возвращения из Лондона и с интересом узнал, что у меня все в порядке и что погода в Англии необычно теплая для октября... Не забавно ли прочитать почти на два месяца запоздавший привет от самого себя?!

Кто же превратил мое скромное почтовое отправление в едва передвигающегося инвалида? Может, виновато британское ведомство, именуемое Королевской Почтой? Увы, нет. И я могу это доказать. Дело в том, что в тот роковой день 13 октября я послал из того же почтового отделения еще две открытки. Одна из них, адресованная моему другу в Чехословакии, была получена им через несколько дней. Другая, направленная на московский адрес моей матери, не пришла до сих пор. Значит... Вывод ясен...

Позвольте, скажете вы, а что если это не более чем единичные случаи, ведь из газетных колонок «Занимательная смесь» нам известны казусы, когда письма находили адресатов через годы и даже столетия...

К сожалению, нет. Еще примеры? Пожалуйста!

В июне 1988 года «Крокодил» принимал делегацию американских сатириков, среди которых был Рональд Паулсон, профессор университета Джонса Хопкинса в Балтиморе. 26 июня он вылетел домой, а 29-го послал мне обычное благодарственное письмо: спасибо, дескать, за гостеприимство и так далее... Я получил его... 31 августа. В письме среди прочего профессор сообщал, что послал мне в подарок несколько книг. 31 августа книг не было и в помине. В середине сентября я получил еще одно письмо из Балтиморы, в котором любезный профессор выражал надежду, что я уже прочитал книги, отправленные им 28 июня...

Посылка с книгами пришла 30 сентября — через три месяца и два дня после отправления. Она была распечатана и наспех перевязана нашей родной бумажной веревочкой, что исключало возможность козней с американской стороны...

Не везет издательству «Прогресс». Бесследно канули в почтовую Лету два экземпляра «Книги рекордов Гиннесса», посланные издательством «Гиннесс паблишерз» для перевода и возможной перепечатки в СССР. Как видно, среди наших почтовых (либо околопочтовых) работников попадаются и собиратели рекордов. Хотелось бы попросить держателя этих книг перевести их на русский язык и направить текст в издательство «Прогресс» для опубликования. Не будьте эгоистами, дорогие товарищи: не вам одним охота узнать про рекорды.

А может, наш славный Международный почтамт сам решил побить парочку рекордов? Скажем, по недоставке писем и посылок советским адресатам? Если так, то он близок к успеху. Примеры таких рекордов можно множить без числа. Можно вспомнить о том, что новогодние поздравления от своих английских друзей я начал получать с середины февраля — после наступления Нового года по восточному календарю. И о том, что письма, посланные с берегов туманного Альбиона в марте — апреле сего года, начали дружно приходить в июне. И о том, как была извлечена из посылки с книгами, отправленной мне газетой «Гардиан», популярная энциклопедия «Что должен знать каждый американец» (очевидно, у нас сочли, что не каждый советский гражданин должен знать то, что знает каждый американец).

Что же происходит? В каких почтовых закоулках пылятся и исчезают наши письма, посылки и бандероли? Нарушаются контракты, срываются планы, а Международному почтамту хоть бы что... Как это все увязать с курсом на открытость нашего общества, когда наконец после стольких лет окружающий мир начинает представать перед нами во всем разнообразии, когда поездки за границу перестают быть привилегией усердных бюрократов и становятся будничными для многих наших сограждан? По какому праву растаскиваются и потрошатся наши посылки?

«Существуют ли контрольные сроки прохождения и доставки зарубежной корреспонденции?» — с таким вопросом я обратился к дежурному администратору Московского Международного почтамта, что на Варшавском шоссе.

«Таких сроков не существует»,— был ответ. Это же подтвердила главный технолог Минсвязи СССР Ивкина Н. А. Удобно, не правда ли? И очень откровенно. Могли ведь, как другие, посетовать на нехватку людей и низкие оклады. А так — «не существуют» — и точка.

В бюро жалоб этого же почтамта мне разъяснили, что для того, чтобы начать поиски пропавшего отправления, необходимо прежде всего связаться (!) с отправителем и узнать регистрационный номер почтовой квитанции.

Итак, пишем открытку в Англию или США и просим отправителя сообщить регистрационный номер. Через два-три месяца (если, конечно, он не выбросил квитанцию и если опять повезет) получим от него ответ, и тогда отечественные почтовые сыщики отправятся на поиски пропавшей посылки. Может, найдут, а может, и нет... Заманчивая перспектива... А уж если исчезла заурядная открытка — то и вовсе пиши пропало.

Когда я выложил все эти аргументы сотрудникам почтамта, они любезно посоветовали мне... связаться с отправителем по телефону. Что ж, живи я в той же Англии, где из любого уличного телефона-автомата можно в течение секунд набрать Владивосток, Сидней или маленький городок Остин в штате Те-

хас, я, возможно, воспользовался бы их советом.

Один мой английский приятель уверял, что любит поболтать со своим австралийским другом из собственной машины, несущейся по автостраде Лондон — Оксфорд. Когда я не поверил, он снял телефонную трубку и тут же в машине набрал Москву. Через десять секунд я услышал удивленный голос жены, звучавший столь громко и отчетливо, словно она находилась на заднем сиденье. Мы ехали по Лондону и как раз сворачивали на улицу Принца Уэльского...

Да что я все: Англия, Англия... Возьмем, к примеру, Чехословакию. Из телефона-автомата в вестибюле гостиницы маленького словацкого городка Малацки я в течение минуты дозвонился до Москвы и мог при желании позвонить в любую точку земного шара.

Не так давно у нас была введена автоматическая телефонная связь с некоторыми городами социалистических стран. Но я помню, как во время Олимпиады 1980 года было объявлено, что мы можем звонить по прямому набору во все основные столицы мира. Это новшество просуществовало недолго: вскоре после закрытия Олимпиады оно изчезло вместе с финской колбасой. Побаловались — и хватит...

Как обстоит дело сейчас? Западные корреспонденты, аккредитованные в Москве, могут легко набрать, скажем, Лондон. Но если кто-нибудь из нас попытается сделать это со своего телефона, результат будет следующим: соединение установится очень быстро, но первый же гудок будет прерван металлическим голосом: «Вызывайте телефонистку! Вызывайте телефонистку! Вызывайте телефонистку!» (Москвичи могут попробовать сами, если наберут код Лондона 810441 и лондонский номер.) Итак, каналы связи существуют. Но не для всех, а только для избранных. Это подтвердила старшая смены Международной телефонной станции. «Кто определяет счастливчиков, которым разрешается пользоваться автоматической международной связью?» — спросил я ее. «Я не могу ответить на этот вопрос,— все же ОТВЕТИЛА она.— И никто вам на него не ответит». Вот так. Глухо как в танке. Абонент не отвечает...

Чего же боятся на международной АТС? Опять-таки разглашения государственных тайн? Но если кому-то уж очень захочется разболтать государственный секрет по телефону, то он может в конце концов «вызвать» пресловутую телефонистку и, прождав несколько часов, совершить свое черное дело.

Но как быть, если действительно нужно позвонить СРОЧНО, чтобы сообщить партнеру детали контракта, предупредить о времени приезда или отъезда (на телеграммы, увы, тоже надежды мало)? Почему нам не позволяют осуществлять наши элементарные права, гарантированные Конституцией?

Все это отнюдь не мелочи. Если вдуматься, речь идет о самых важных вещах: о демократии, гласности, свободе общения и уважении государством прав гражданина. Не будем брать все государство в целом, но если говорить о Министерстве связи, под эгидой которого пребывают и Международный почтамт, и Международная телефонная станция, то оно продолжает демонстрировать свое полное безразличие к людям — тем самым, которых бюрократы снисходительно именуют «населением».

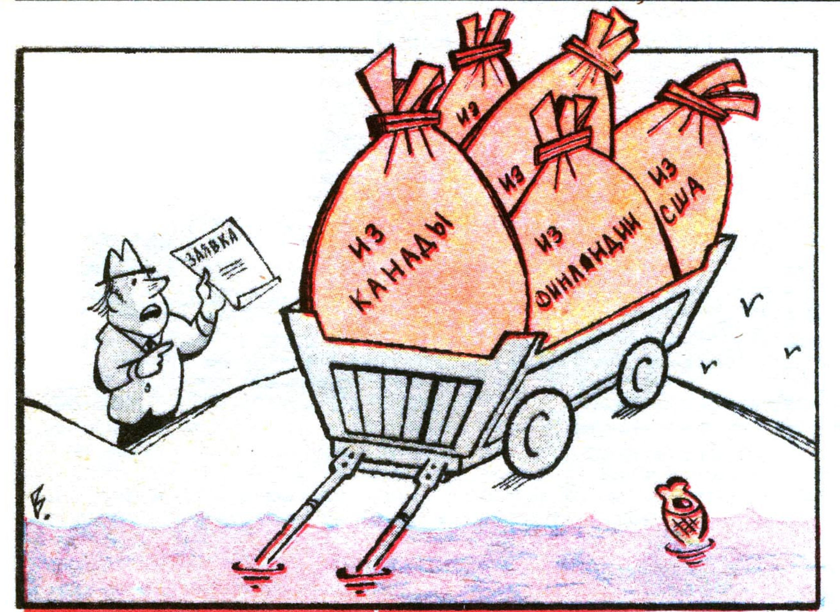
А может, напрасно мы напустились на Министерство связи? Может, во всем виноваты те самые компетентные органы, которые столько лет безуспешно следили за состоянием общественной нравственности и до сих пор продолжают работать по старинке? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Среднестатистический обыватель убежден, что вся наша корреспонденция перлюстрируется, а телефонные разговоры прослушиваются. Но я все же надеюсь, что это не совсем верно. Нет занятия более глупого и аморального, чем читать и слушать чужие приветы-поцелуи. Да и зачем? Вряд ли остались еще шпионы, которые были бы столь наивны, чтобы передавать государственные секреты по линии Министерства связи СССР! И как-то не хочется верить, что зловещее на протяжении многих лет словосочетание «контакты с иностранцами» по-прежнему сохраняет свой смысл (а точнее, отсутствие такового) в сознании работников наших компетентных органов, которые, хочется надеяться, достаточно компетентны, чтобы понять всю абсурдность попыток взять все почтово-телефонные контакты под свой контроль.

Как хочется услышать наконец вразумительный ответ на вопрос о том, откуда все-таки берутся телефонные и почтовые рогатки в нашем напичканном электроникой и усердно общающемся мире!.. Алло, Министерство связи! Алло, компетентные органы!..

Вчера вновь попытался срочно связаться с Лондоном через телефонистку. На протяжении двух часов разговора так и не дали.

Так что, как говорится, пишите письма!..

Когда этот фельетон был уже готов к печати, в еженедельнике «Аргументы и факты» появилось интервью начальника Управления по контролю иностранной литературы Главлита СССР Б. Скороходова, в котором он категорически заявил, что иностранная переписка никем не контролируется. Получается, как в украинской поговорке: «Гнат не виноват, Килина не виновата, виновата только хата, что впустила на ночь Гната...»



А ВВОЗ И НЫНЕ ТАМ! М. ВАЙСБОРД.

EL COCODRILO KROKODYL KROKOTIILI

СМЕЯТЬСЯ ВМЕСТЕ!

В США вышел первый в истории взаимоотношений наших стран альбом карикатур «Советский юмор: лучшее из «Крокодила».

Честно говоря, вначале, когда американцы предложили нам обменяться делегациями юмористов, было не до смеха. Проект этот представлялся не столько юмористическим, сколько фантастическим, ибо ветры «холодной войны» дули еще довольно ощутимо, подгоняя огромные айсберги недоверия.

Но — лиха беда начало! Упорство и настойчивость президента «Международной ассоциации профессиональных бюрократов» Джима Борена в осуществлении названного позднее историческим обмена «веселыми командами», встречная работа крокодильцев помогли преодолеть все преграды на пути к желанной цели. И вот уже советские журналисты путешествуют по Америке под девизом «Лучше взрывы смеха, чем взрывы бомб!», а год спустя пятерка коллег из Штатов колесит по градам и весям СССР под аккомпанемент улыбок и аплодисментов.

Оказалось, что мы можем смеяться вместе, расчищая завалы на пути к сотрудничеству и взаимопониманию. В атмосфере этих обменов родилась еще одна хорошая идея, которая привела в Москву вице-президента известной издательской компании «Эндрюс и Макмилл» Донну Мартин — обаятельную деловую американку. За традиционным самоваром в редакции «Крокодила» она сразу же взяла быка за рога, предложив выпустить в США первый альбом советской карикатуры. Зазвенели чашки, наполненные крепчайшим фирменным чаем...

И вот перед вами, дорогие наши читатели, **обложка советско-американского первенца — сборника сатирических рисунков художников-крокодильцев, только что вышедшего в Соединенных Штатах.** Она пришла к нам вместе с письмом Донны Мартин, которое просто грех было бы не процитировать.

«С большой радостью и гордостью посылаю Вам копию верстки книги «Советский юмор: лучшее из «Крокодила». Позвольте поблагодарить Вас за всю ту помощь, которую Вы оказали в реализации нашего проекта, а также за добрые слова в предисловии к книге... Ваши заметки о помощи в деле расчистки дороги к сотрудничеству и миру через юмор были соединены с заметками Чарльза Соломона, который написал американское предисловие, ярко показав, что публикуемые карикатуры отразили общие жизненные явления, и это в большой степени будет способствовать взаимопониманию между нашими странами, то есть тому, что провозгласили наши политические лидеры через гласность.

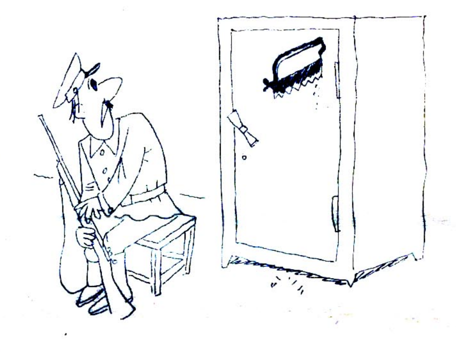
Мистер Соломон — редактор - обозреватель «Лос-Анджелес таймс», а также историк и большой знаток карикатуры и мультипликации. Я чрезвычайно довольна его предисловием, в котором он смог дать нечто вроде анализа коллекции крокодильских карикатур в контексте американской и европейской карикатуры...

У нас есть идея сделать эту книгу объектом, а точнее, подспорьем в персональной дипломатии между нашими лидерами. Идея состоит вот в чем: передать в руки мистера Горбачева одну из первых копий этой книги с автографом Дж. Буша...

Я надеюсь, что Вы так же удовлетворены и довольны этой книгой, как и мы».

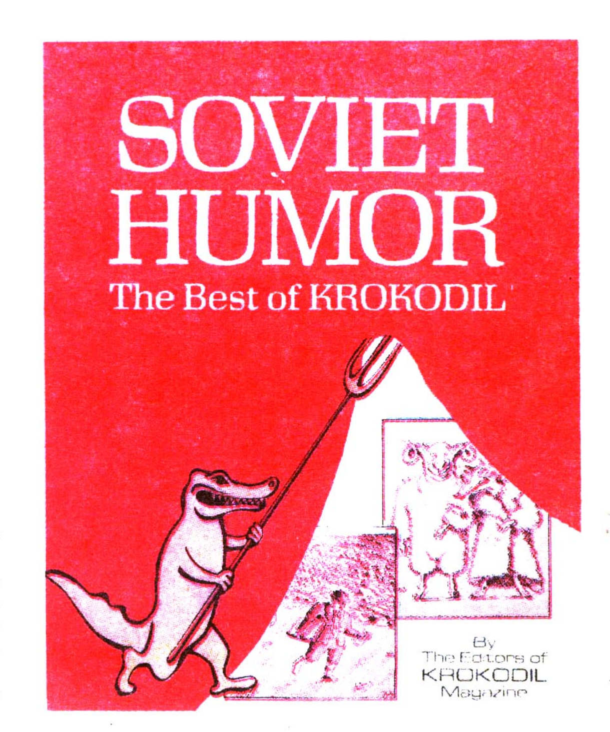
Конечно, довольны! Ведь это первая ласточка, принесшая на своих крыльях нашу весну в Америку. Надеемся, что там встретят ее хорошо. Ибо, как сказал все тот же Джим Борен, лучше смеяться, чем ругаться.

Не успели мы перевести это письмо Донны Мартин, как получили второе, в котором она сообщала, что крокодильский альбом выпущен и одним из английских издательств. Радуемся, завидуем такой оперативности, ждем новых добрых вестей из-за океана...

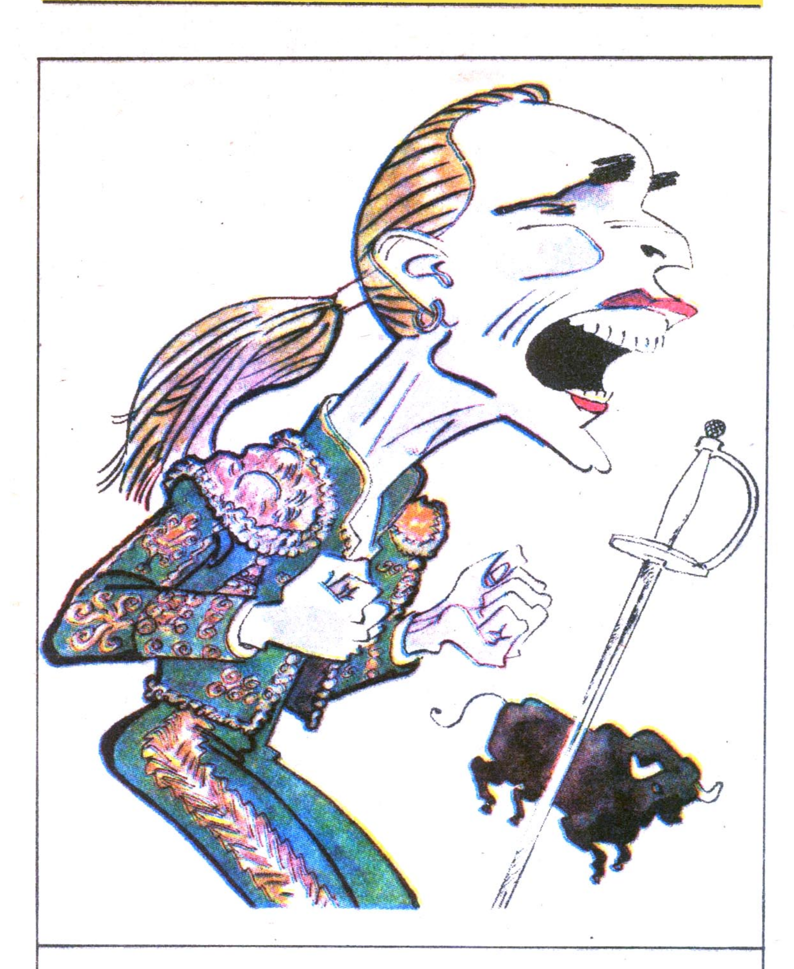


В. ВЛАДОВ.

P. S. Пользуясь случаем, благодарим Госкомпечать СССР, Внешторгиздат, ВААП за помощь и деловое сотрудничество в осуществлении нашего общего проекта.



БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..



Александр МАЛИНИН

Петь о корриде хочешь? Пой.
Как говорится, Бог с тобой.
Но помни, Саша, что за труд
«Гусары денег не берут»!

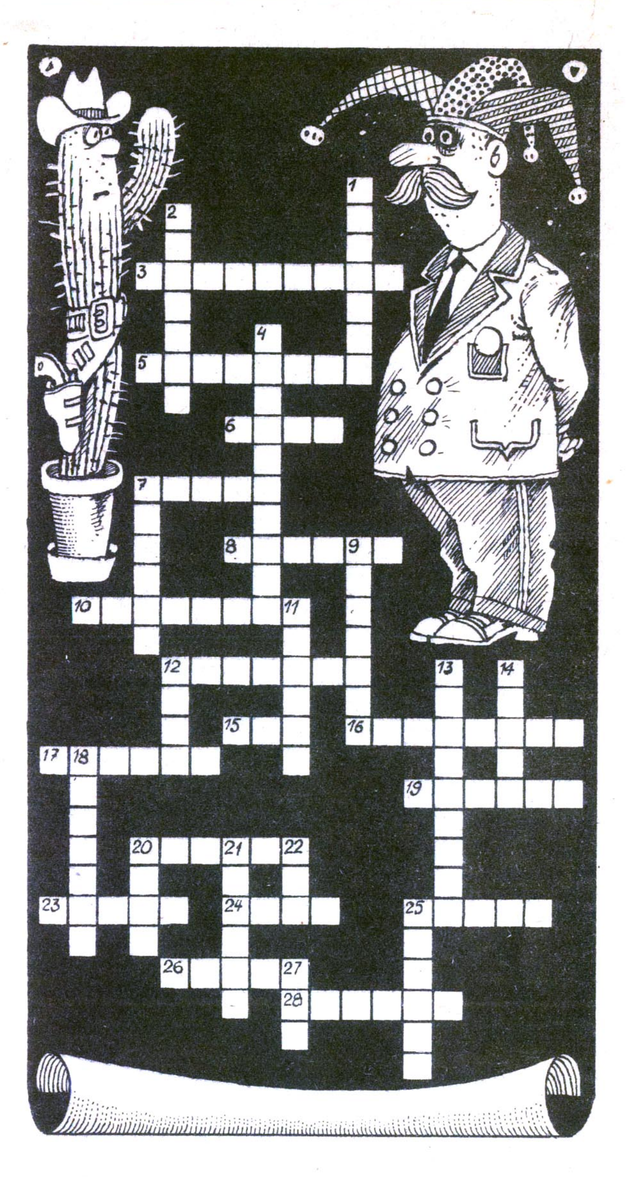
Сергей САТИН.
Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Город, до которого можно доехать в отцепленном вагоне *(поэтич.)*. 5. Панацея доктора Пилюлькина. 6. Огородник, от которого слеза прошибает. 7. Вторая половина В. Лебедева *(песенн.)*. 8. Та, на которой дом держится *(фауновск.)* 10. Последний штрих в человеческом изображении *(детск.)*. 12. Критика сверху *(адм.)*. 15. Природный автоответчик. 16. Совсем как п. 10 *(песенн.)*. 17. Театр с точки зрения пожарника. 19. Побег от природы *(ботанич.)*. 20. Игра, в которой 22 не перебор. 23. Человек, от которого можно потерять голову. 24. Грошовый материал. 25. Заманчивое кондитерское изделие. 26. Пращур п. 1, доживший до наших дней. 28. Средство от беспамятства.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Жилище, которое необходимо разбить. 2. Человек, дошедший до ручки *(карьеристск.)*. 4. Ученый, который сделал себе имя на пустом месте. 7. Многоукольник *(мексиканск.)*. 9. Зонтик для носа. 11. Джигит из Техаса. 12. Товарищ из Тамбова *(нетоварищеск.)*. 13. Игра в молчанку. 14. То, что каждый человек должен отдавать себе. 18. Философ, сделавший себе имя на осле. 20. Улыбка капитана *(песенн.)*. 21. Понижение для музыканта. 22. Тронутый *(бендеровск.)*. 25. Объект для стрижки *(финанс.)*. 27. Комик со двора.

Составили М. МЕШМАН и А. ПЕККЕР, г. Винница.



РАЗГАДКА РЕБУСА, ОПУБЛИКОВАННОГО В № 25

«...У них плохие манеры и никакого уважения к авторитетам...»

Сократ.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ



Прислала Тиханенкова, г. Горький.

«§ 10. На основании постановления СМ СССР, ВЦСПС от 2.09.81 г. № 865 представить частично оплачиваемый отпуск проводнику резерва Самигуллиной с 5 мая до достижения им возраста 1 года».

§ 11. На основании постановления СМ СССР, ВЦСПС от 2.9.82 № 865 представить частично оплачиваемый отпуск нач. поезда Романовой Т. А. с 25 мая до достижения им возраста одного года».

(Из приказа).
Прислал А. Петров, Башкирская АССР.

Мих. ЗОЩЕНКО: КАК Я ПОПАЛ В «КРОКОДИЛ»

Нет, братцы, кому как, а мне попасть в «Крокодил» было одно удовольствие. Некоторые, я слышал, этот наш орган недолюбливают и даже стараются по возможности встречи с ним всячески избежать. А напрасно.

Был я тут недавно на Савеловском. В аккурат на вокзале. И должен вам сказать — хоть и стоят некоторые отъезжающие граждане на твердой платформе, а идейности не чувствуется. Провожал я родного своего дядю, он в кооператив записался в Копчинский район толкачом работать. Будет машины, что идут в сельсовет, из колдобин выталкивать. Ну да не в дяде, как говорится, дело. Провожаю я его, значит, и поезд уже отходит, а он по привычке своей кооперативной решил еще какую-то гражданку с колбасой и собачонкой системы пудель в вагон подтолкнуть. Не бесплатно, конечно.

— Помоги-ка,— говорит,— мне эту чертову гражданку за ее несчастный рубль в вагон впихнуть, вишь, не влазит с торбами.

Я, конечно, с родного дяди полтину не попрошу, так что помогаю ему из последних сил, можно сказать, задаром. И вдруг эта стервозная пудель, которую я по первости и не разглядел, хватает меня за ногу. И мало того, что не дает задаром пихать свою хозяйку, но еще и дерет с меня последние джинсишки почем зря. А я что есть сил напрягаюсь, потому как проводница уже на меня фуражкой машет и поезд хочет разгоняться. Гражданка в вагон вваливается и пудель свою за собой дергает. А пудель — брюки. И тут, братцы мои, чувствую — холод. Что такое? Вижу, идет себе поезд, из дверей пудель выглядывает и брюками моими в зубах машет. Треснули, мать моя, заклепки, вот они и снялись с меня и уже едут с этой поганой пуделью в Копчинский район, а может, и дальше. Ах ты, господи! Никого нет, штанов нет, одна платформа осталась. Ну, с нее я, конечно, сворачивать не стал, так прямо и пошел обратно. А куда, скажите, у нас человеку без штанов деваться? Иду, задумался. Голову поднимаю, вижу — перед подъездом стою. Двери стеклянные, а за ними мильтон стоит и так себе на меня смотрит. Бежать поздно — догонит. Ах ты, думаю. Вдруг вижу — барышня выходит. Миленькая такая барышня и ручку шариковую грызет.

— Ах,— говорит,— извините, у нас тут без пропуска не пущают. А я заказать забыла.

Тут берет она меня, братцы, за руку, мильтону в дверях улыбается и в лифт впихивает. Ладно. Приезжаем на двенадцатый этаж. Барышня говорит:

— У нас совещание по неформалам уже началось, так что вы потихоньку в зал входите. Вы от митьков будете, или вас лучше с хипами посадить? «Ох ты, думаю,— ну и влип!» Мне-то что панки, что хипы — одна фамилия.

— Я,— объясняю,— вообще-то с Савеловского...

Барышня лобик морщит.

— А кто,— говорит,— сейчас там тусуется? Вагонка, что ль?

Вижу — еще больше все запутывается. Рухнул я в кресло у лифта — и рассказал ей все как на духу. А она смеется, глазки щурит и быстро-быстро что-то в книжечку записывает. Записывает, а сама хохочет.

— Это, говорит, товарищ, вы зря, что никому в таком виде не нужны. Вы нам всякие, говорит, нужны.— И кудато убегает и скоро возвращается с брюками.

— Это,— говорит,— у нас недавно рейд был, проверка то есть по Рижскому рынку, вот и пришлось купить, чтоб подозрений не вызвать. Вам как раз впору будут. А историю про вас мы непременно напечатаем!

Поблагодарил я ее от всего сердца, в брюки, конечно, влез, от волнения даже спасибо сказать забыл. А на следующий день на «Крокодил» подписался, от корки до корки читаю. Если совсем правду сказать, так я на той барышне даже жениться хотел, только она еще раньше за неформала выскочила. Так что дружим теперь семьями. Такая, братцы мои, история приключилась.

Рассказ по мотивам Мих. Зощенко исполнила Н. ГРАЧЕВА.

НАПОМИНАЕМ, ЧТО ОСТАЛИСЬ СЧИТАННЫЕ ДНИ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НА 1990 ГОД. ЕСЛИ ХОТИТЕ ПОЛУЧАТЬ «КРОКОДИЛ» С ЯНВАРЯ МЕСЯЦА — ПОТОРОПИТЕСЬ!

ЭТОТ КОВАРНЫЙ СМОГТЕЙЛЬ

Трижды перечитав последнее слово, читатель, наверное, подумает, что либо в текст вкралась опечатка, либо автор его разыгрывает.

Подумает и будет не прав.

Родилось слово недавно и обозначает — коктейль из смога. То, что, увы, ежедневно, помимо своей воли, потребляет население промышленно развитых стран.

Именно под таким названием — «Смогтейль» — в Западном Берлине была развернута выставка карикатуристов творческой группы «Туча», объединенных общей тревогой по поводу состояния окружающей среды.

Я имел удовольствие беседовать с организатором этой выставки Юлием Хаммером. Берлинский однофамилец заокеанского бизнесмена и мецената подарил мне альбом, включивший лучшие из представленных работ,— вы можете с ними ознакомиться. Между прочим, Ю. Хаммер владеет в Западном Берлине выставочным залом и готов предоставить его советским карикатуристам...

В предисловии к сборнику западноберлинский сенатор Эрих Ретцольд пишет: сатира может и должна играть важную роль в пробуждении экологического сознания граждан, завтра может быть поздно!

И это при том, что Западный Берлин (равно как и столица ГДР) по сравнению с нашим родным урбанистическим пейзажем выглядит ухоженным, как квартира у совестливой хозяйки. Совестливой не только перед гостями, но и перед самой собой.

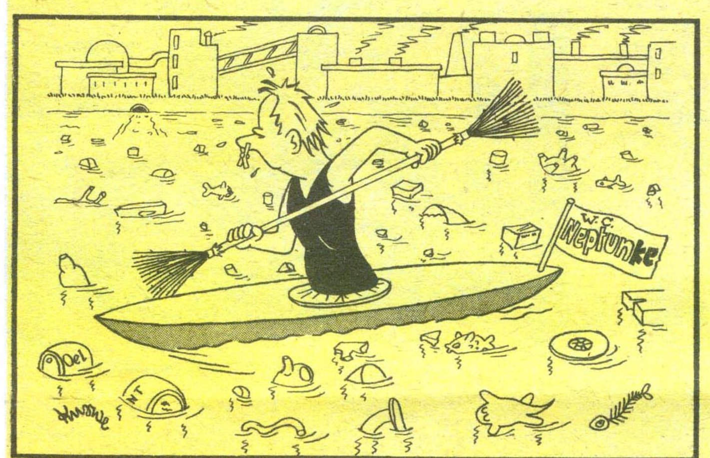
У меня, как и у многих, давно и прочно сложилось представление, что мусорщик на Западе — профессия бросовая и занимаются ею какие-нибудь люмпены или же темные, забитые иммигранты.

Ничего подобного. Посмотрели бы вы на добрых русоволосых молодцев в ярких комбинезонах, плотно облегающих мощные торсы. Мусорщик — профессия престижная (называют себя «мастерами уличной косметики»), зарплата — на уровне квалифицированного рабочего. За несколько лет можно сколотить капиталец, достаточный, чтобы открыть свое дело. Поэтому работают они открыто, весело, с чувством собственного достоинства.

Строго продуманная система чувствительных штрафов существует для нерях и в бытовых сферах, и для тех, кто отравляет воздух или водоемы.

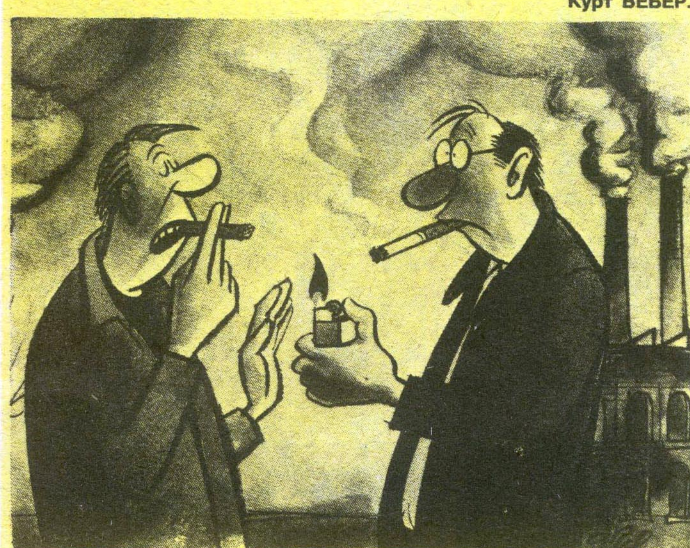
Но все равно: экологическая проблема остра, заботит всех, включая и наших коллег-сатириков, высказавших свое отношение к смогтейлю.

Им. ЛЕВИН.



Курт ВЕБЕР.

Освин МЕЙХСНЕР.



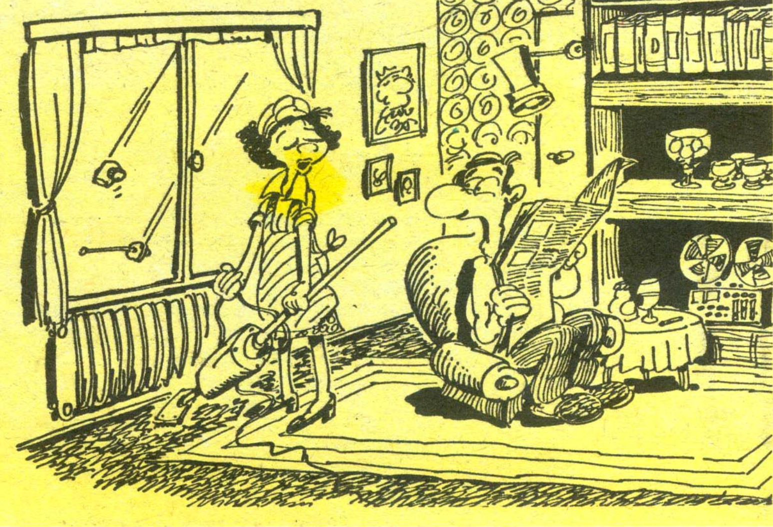
— Я не курю, я только дышу через фильтр.

Арне ЛЕЙБЕРГ.



—Зачем так сложно? Достаточно одного глотка.

Арне ЛЕЙБЕРГ.



— Что это — дождь?
— Нет, опять пара деталей от спутника.

Петр БУТШКОВ.

30 коп. Индекс 70448.